

АЛЕКСЕЙ БРАТСКИЙ

ДУША МАШИНЫ, ВОЛЯ ПИЛОТА,

МЕХАНИКИ
НЕБА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Братский
Механики неба

«Автор»

2025

Братский А.

Механики неба / А. Братский — «Автор», 2025

2030 год. Туркменистан. Военная операция нового типа. Враг использует маловидимые для современных радаров поршневые самолёты. В ответ ЧВК «Каспийский Щит» возрождает истребители Як-3 и проект «Сайра». Пилот-ас Артём Волков ведёт в небо свою машину, чувствуя её каждой клеткой. Его навязанный штурман Сайра — холодный экспериментальный искусственный интеллект. Их вынужденный союз — битва интуиции против бездушной логики. Смогут ли они стать единым целым, когда на карту поставлены жизни и будущее? От их тандема зависит исход каждой миссии.

© Братский А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алексей Братский

Механики неба

Пролог

Найдено в потрёпанном блокноте, спрятанном под камнем у старой башни дальней связи.

Дата: 18 марта 2030 г.

Кирилл, я приехала... Туда, где ты... не вернулся.

Это место – это теперь просто пустыня. Жестокая, безжалостная, как сама смерть. Никаких знамений. Только песок, который уже начал стирать следы... Твои следы.

Но я чувствую тебя. Все равно чувствую в этом ветре, в этом небе. Ты так его любил.

Прошло всего несколько недель, а мир уже успел перевернуться.

Твоя Сайра всё ещё жива. Та, которую ты создавал, которая должна помогать пилоту, которая должна стать его самым важным инструментом. Помнишь, как я завидовала ей? А ты только улыбался.

– Нет, – говорил ты, – Это мой второй слух, мой внутренний компас. Она должна знать меня лучше, чем я сам.

Ты видел будущее, в котором компьютер становится продолжением пилота. Ты хотел не просто помощника. Ты хотел партнёра.

А теперь тебя нет. А её новый пилот – Артём.

Я видела его. Я знаю, что Артём её ненавидит. Ненавидит за то, что ты поверил в неё. За твою слепую надежду. Он смотрит на Сайру, как на угрозу, он отторгает ее как инородное тело, случайно попавшее в его кабину. Его руки, которые знают каждый винтик своего самолёта, отказываются прикасаться к этому модулю. Его сердце, закрыто болью, он не хочет слышать её голос.

Я надеюсь, он ошибается. Сайра – это теперь не просто твой проект. Это – твоя память. Это – твоя вера.

Я знаю, ты бы сказал:

– Лиса, он ведь тоже механик неба. Он просто ещё не знает этого.

Ты бы увидел в нём того самого человека, ради которого ты всё это задумал. Того, кто умеет летать.

Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы твоя память жила. Любым способом. Любой ценой.

Я запутаю карту. Я создам хаос. Я стану тенью, которая будет скрывать этот свет, пока он не станет слишком ярким для врага.

Потому что если он, Артём, выживет, если он поймёт, что Сайра – это не конец пути, а только его начало. Тогда твоя смерть не будет напрасной.

Ты был прав, Кирилл. Ты не проиграл. Ты просто... передал эстафету.

А я буду смотреть с земли, пока твоя вера будет жить в небе.

С любовью, твоя Лиса.

Глава 1

Мир – это не отсутствие войны. Это время, когда мы готовимся к ней лучше, чем враг. – Полковник Дмитрий Борисов.

Рассвет над Каракумами в 2029 году был таким же жёстким, как и всегда – беспощадное солнце заливало базу ЧВК Каспийский Щит ослепительным светом, выжигая росу и превращая песок в раскалённую сковородку. База, расположенная в 80 километрах южнее Ашхабада, была не форпостом войны, а точкой контроля – сдерживающим фактором в регионе, где каждый день балансировал на грани хаоса. Здесь, на краю пустыни, Россия держала руку на пульсе Центральной Азии – тихо, незаметно, но неумолимо.

На крыльце командного бункера, уставленного ящиками из-под боеприпасов и пустыми канистрами, сидели двое. Полковник Александр Ковалёв – Батя, – начальник службы инженерно-технического обеспечения, инженер до мозга костей, чьи руки всегда были в масле, а в голове – схемы и чертежи всего, что могло сломаться на этой богом забытой базе, и Полковник Дмитрий Борисов – Медведь, – бывший спецназ ГРУ, человек действия, но никогда – без приказа.

Перед ними – потрёпанный ноутбук, на экране которого мерцала интерактивная карта Туркменистана. Пятна: красные, синие, зелёные – как гнойные раны на теле государства, которое вот-вот должно было развалиться.

– Смотри, Саня, – Борисов ткнул пальцем в экран, оставив на нём жирный след. – Каспийская Республика снова рвёт газопровод под Туркменбаши. Турки поставили им новые дроны – Kartal-1. Те же Байрактары, только с турецким софтом и азербайджанским фанатизмом.

Ковалёв отхлебнул из жестяной кружки крепкий, обжигающий чай. Его обветренное лицо не выразило удивления.

– А Исламисты Юга? – спросил он, не отрывая взгляда от горизонта, где песок сливался с небом.

– Получили партию Стингеров через Кушку. Кто-то из Пакистана решил, что шариат в Туркменистане – отличная идея. Иран, кстати, молчит. Слишком занят своими играми.

– А наша Ось Стабильности? – в голосе Ковалёва прозвучала едкая ирония.

Борисов усмехнулся – коротко, без единой нотки веселья. Уголки его глаз дрогнули, но взгляд оставался тяжелым. Формально это был инструктаж для начальника службы инженерно-технического обеспечения, недавно прибывшего в расположение. Но за десять лет совместной службы этот процесс давно превратился в этот странный ритуал – обмен язвительными репликами поверх карты, усыпанной отметками очагов нового пожара.

Батя давно усвоил простое правило: служить лучше рядом с Медведем. Слишком уж хорошо они знали друг друга – все эти привычки, слабости, невысказанные мысли. Старый друг, как ни крути, всегда лучше новых двух. Вот и на этот раз он, не раздумывая, подал рапорт о переводе, променяв, казалось бы, спокойную должность на пыльную базу в Каракумах – под родное, пусть и суровое, крыло Медведя. Они снова стояли плечом к плечу, как и весь разменянный десяток лет – два старых волка, учуявших знакомый запах приближающейся грозы.

– Россия прислала нам три Грача и ящик водки. Китай – партию аккумуляторов для РЛС и инструкцию на мандаринском. Иран – обещания и чай. Вот и вся Ось. Мы для них – расходный материал на шахматной доске. Пешка, которую можно пожертвовать, чтобы король не заметил, как ты ему мат поставил.

– Нет, Дима. – Голос Ковалёва стал твёрдым, как гранит. – Мы – не пешка. Мы – рука, которая держит доску. Они играют в шахматы. Мы – пишем правила. Пока они считают, сколько у нас топлива, мы считаем, сколько у них осталось времени.

Медведь кивнул. Он знал это лучше, чем кто-либо другой. Слишком хорошо помнил, как гибли настоящие солдаты – не от вражеского огня, а от кабинетных решений, принятых за тысячи километров в уютных московских кабинетах. Но теперь всё изменилось. Россия сплотилась как никогда, и в этом единстве была железная правда: Запад вновь протягивал свои щупальца к нашим рубежам, прикрываясь чужими флагами и чужими солдатами. Абсолютное большинство народа понимало это и поддерживало Верховного Главнокомандующего – не из страха, а по зову сердца. И с каждым днём эта народная ярость набирала силу, превращаясь в ту самую стальную волю, что ломает хребет любой агрессии.

– А Запад? – спросил он, хотя уже знал ответ.

– О, они – мастера. Финансируют некоммерческие организации в Ашхабаде, которые кричат о демократии, в том числе СМИ. Их разведка сидит в посольствах и считает, сколько мы сожгли топлива. Они хотят ослабить Россию, открыть газовый кран в Европу... и чтобы мы при этом ещё и улыбались.

– Циники.

– Не-е-е, Медведь. Прагматики. Как и мы. Только у них руки чище. Потому что не они моют их в нашей крови.

Они помолчали. Пили чай. Дмитрий слушал, как ветер шелестит песком. Позывной Медведь он получил за мощное телосложение и ту самую, медвежью терпеливую ярость – способность долго выжидать, а затем обрушивать всю свою силу на врага в один решающий миг. Он прошёл ещё первую чеченскую ещё пацаном, Сирию, когда возмужал. Он хранил в себе летопись сражений, не попавших ни в один учебник. Помнил, как терял людей, и это знание навсегда поселило в его глазах тяжёлую, как свинец, усталость. Но именно эта усталость и делала его незаменимым здесь, в Каракумах – он давно перестал бояться смерти и научился ценить тишину, которая всегда предшествует буре.

Ковалёв тяжело вздохнул:

– А у меня тут, между прочим, третий насос на скважине встал. Колонна с запчастями вчера подорвалась. Теперь воду будем вёдрами носить. Рай.

Борисов усмехнулся:

– Жалуешься, Батя? А ты почини. Ты же волшебник.

– Волшебник-то волшебник, но палочку-выручалочку в тылу забыл. Пока твои штурмовики позиции обрабатывают, мои ребята траншеи под водовод копают. Война войной, а срать хочется по расписанию.

Борисов поднял руку, и поднес указательный палец к губам. В наступившую тишину врезался новый звук. Сначала далёкий, едва уловимый, но быстро нарастающий. Не гул. Не рёв. А вой. Два пронзительных, хриплых воя, разрывающих утреннее спокойствие, как нож – плоть. Звук поршневых двигателей, идущих на предельной скорости. Звук, который не должен был здесь звучать. Звук прошлого, ворвавшегося в настоящее.

Оба вскочили. Ковалёв – к ноутбуку, Борисов – к биноклю, который всегда лежал рядом.

– Что за херня?! – выдохнул Ковалёв, лихорадочно тыкая пальцами по клавиатуре. – Радары молчат! Ничего нет! Ни отметок, ни сигнатур!

Медведь поднёс бинокль к глазам. Сканировал небо. Сначала – ничего. Пустота. Потом – два силуэта. Низко. Очень низко. Чуть ли не в метре от гребней дюн. Маленькие, юркие, с короткими крыльями и агрессивным силуэтом.

– Самолеты... – прошептал он, и в его голосе впервые за долгое время прозвучало не равнодушие, а ледяной, чистый ужас. – Альбатросы. Турецкой модификации.

– Как они пролетели через ПВО?!

– Деревянный каркас. Обшивка. РЛС их не видят. Они как призраки, Саня... – Взял рацию и успел выкрикнуть, – ВСЕМ ВНИМАНИЕ! БОЕВАЯ ТРЕВОГА!

Слово «призраки» ещё не успело умереть на его губах, как первый самолёт – ведущий – выровнялся над базой. Из-под его крыльев, как скорпионы из ножен, выскользнули две малогабаритные ракеты воздух-земля.

БА-БАХ!

Взрывы разнесли склад горючего на южной окраине базы. Огненный шар взметнулся в небо, обдав всех жаром и волной давления. Люди заметались, как муравьи, попавшие под кипяток.

– ТРЕВОГА! ВСЕМ ПО УКРЫТИЯМ! – заорал Борисов в рацию, его голос перекрывал рёв пламени и крики.

Второй Альбатрос – ведомый – пошёл на штурмовку. Его пулемёты застучали, как швейные машинки смерти, поливая пулями стоянку техники. Джипы с турельными пулемётами КПВТ – единственные, кто мог дать отпор, – рванули с места, разворачивая стволы к небу.

ТА-ТА-ТА-ТА-ТА!

Тяжёлые, злые очереди ударили в небо. Борисов видел, как одна из пуль – или, может, просто удачная очередь – попала в левое крыло ведомого Альбатроса. Самолёт дёрнулся, как подраненная птица, задымил... и пошёл к земле, оставляя за собой чёрный, жирный след. Он врезался в пески в полукилометре от базы. Взрыв был не таким громким, как от склада, но более окончательным.

Ведущий, не сбавляя скорости, сделал проход над командным бункером – так низко, что полковник видел пилота в кабине – в шлеме, с затемнённым забралом, без опознавательных знаков. Это был не человек. Это был символ. Символ того, что старые правила больше не работают. Что враг приходит не с радарными отметками, а с древними самолётами модернизированным новым оружием. Что война изменилась.

Не дав никому опомниться, Альбатрос бросил машину в крутой вираж и ушёл на юго-запад, туда, где начинались настоящие, беспощадные Каракумы. Оставив за собой дым, огонь, смерть и... тишину. Тишину, которая была громче любого взрыва.

Соколов опустил рацию. Его лицо было белым, как мел, но глаза – горели холодным, расчётливым огнём. Он посмотрел на Ковалева.

– Это был не налёт. Это была демонстрация.

Его руки не дрожали. Глаза не выражали страха. Только холодную, ледяную ярость.

– Демонстрация того, что они могут прийти в любое время. И уйти – без следа.

– Кто это они, Медведь?

Соколов посмотрел на дымящиеся руины склада. На обломки сбитого самолёта вдалеке. На небо, которое только что стало врагом.

– Каспийская Республика. Турция. И те, кто стоит за ними. Это – начало, батя. Настоящее начало. Но они ошибаются, если они думают, что мы не готовы, что мы не видим. Я уже просчитывал такой ход. Позже переговорим.

Он повернулся и пошёл к командному бункеру, его шаги были твёрдыми, уверенными, как шаги человека, который уже знает, как будет отвечать. И в рацию понеслись распоряжения, приказы, задачи:

– ...собери всех командиров, подготовь вертолёт, ...летишь на место падения. Я хочу знать – кто посмел бросить нам вызов. И я хочу знать – как они сделали так, что наши радары их не увидели...

Он вошёл в бункер, и дверь за ним закрылась с тяжёлым, окончательным лязгом.

--

Классификация: СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Место: Заброшенный ангар, замаскированный под склад хлопка, в 20 км от базы «Каспийский Щит»

Заброшенный ангар на окраине туркменского кишлака был идеальной ширмой. Снаружи – облупившаяся краска и полузасыпанные песком подъездные пути. Внутри, среди теней от грудов старого инженерного имущества, стоял потертый металлический стол. На нем лежали развернутые тактические карты, планшеты с замершими экранами и несколько остывших кружек чая – единственные признаки кипевшей здесь работы. Единственным же признаком «штаба» был мощный ноутбук с шифрованным каналом и лежащая рядом кобура с табельным оружием Шефа.

За столом сидел Павел Игоревич Громов, человек лет пятидесяти, в простой хаки без знаков различия. Его называли «Шеф» или «Директор». Он не отдавал приказы, он ставил задачи.

Справа от него – полковник Дмитрий Борисов, «Медведь». Начальник оперативного отдела, бывший спецназ ГРУ. Его мощная фигура была воплощением сдержанной ярости. Он отвечал за всё, что происходило за воротами базы, и сегодняшний провал лежал тяжким грузом в первую очередь на нём.

Слева сидел полковник Александр Ковалёв, «Батя». Начальник службы инженерно-технического обеспечения. В его руках вертелась какая-то шестерёнка – бессознательный ритуал, помогавший ему думать. Он отвечал за то, чтобы техника работала, за энергию, электричество, воду. База без этого не могла существовать в том виде, в каком она была необходима в регионе.

Рядом с Борисовым, отставив в сторону планшет, расположился майор Андрей Ветров, начальник службы разведки и контрразведки «Щита». Худощавый, с бесстрастным лицом разведчика, он казался самым спокойным в этой комнате, но его пальцы нервно постукивали по крышке ноутбука. Это его источники и анализ должны были предотвращать подобные неожиданности.

Чуть поодаль, прислонившись к ящику с какими-то приборами, стоял Григорий Зайцев, начальник группы ПВО. Бывший офицер ВКС, он смотрел на стол, не поднимая глаз, будто ища ответ в трещинах на старой столешнице. Его системы оказались слепы, разведывательные дроны не зафиксировали никаких движений, и это был его профессиональный провал.

Атмосфера была густой, как смола. Каждый понимал – сейчас не просто разбор полётов. Сейчас решается будущее их контракта, их репутации и, возможно, их жизни в «Каспийском Щите».

Громов встал, его голос, ровный и безэмоциональный, разрезал напряжённую тишину.

– Итак, господа. Давайте сразу к делу. – Громов положил ладони на стол, его пальцы растянулись по карте. – Все ваши объяснения я прочитал. Наш престиж – наш главный товар. И тут у клиентов на глазах происходит такое. Объясните мне, как два музейных экспоната попортили нам репутацию, при этом чуть не разнесли наш логистический хаб?

– Павел Игоревич, – голос Борисова прозвучал хрипло, он откашлялся, сжав кулаки. – Ни одна группа противника к нам не смогла бы попасть! Пешком или на колесах – не важно! У меня несколько линий обороны, при том часть из них полностью автономна и работает круглые сутки!

Медведь схватил кружку, отхлебнул чаю, чтобы смочить пересохшее горло. Поставил с таким стуком, что чай расплескался через край.

– Кхм-кхм... – он снова откашлялся, нервно проводя рукой по лицу. – В принципе мы готовы и к ракетному удару, есть противоракеты, есть ПВО. Гриша... – полковник посмотрел на Григория Зайцева. Тот молча кивнул, его пальцы бессознательно сжали край ящика.

– Кхм-кхм... Мы готовились к дронам, ракетам, наземным операциям, а они... – Борисов сделал паузу, и в его голосе прозвучало профессиональное изумление. – А они прислали поршневые самолёты! Деревянный каркас, обшитый жестяной. Призраки. Наши радары их не видят. Это был не налёт. Это – демонстрация нового продукта на рынке силовых услуг. Их продукта.

– Продукта? – Громов медленно поднял бровь, его губы искривились в усмешке, лишенной всякой веселости. – L-39? Это какой-то анахронизм.

– Дешёвый, ремонтпригодный анахронизм, – вступил Ковалёв, откладывая в сторону шестерёнку с таким звонким щелчком, будто это была печать на приговоре. – Себестоимость одного такого «призрака» – копеечная, пыль по сравнению с одним истребителем ВКС. А эффективность против наземных целей без прикрытия с воздуха... – он посмотрел на Борисова, потом на Громова, – выше, чем у целой диверсионной группы. Они не прорывают фронт. Они прилетели, нагадили нам с небес и растворились.

– А сколько мы будем ждать воздушного прикрытия? – Борисов ударил ребром ладони по столу, заставив дрогнуть кружки. – Да они не полезут сюда! Ни наши, ни турки – никто не хочет открытой эскалации! Но они нашли лазейку! Это же как дрон запустить, только с пилотом, боевой нагрузкой и... чертовски дешево!

Громов медленно кивнул, его взгляд стал отстранённым, будто он мысленно просчитывал уже не тактические, а балансовые отчеты. Финансовая подоплёка любого вопроса была ему яснее, чем всем присутствующим вместе взятым.

– Хорошо. Они показали нам свой козырь – бюджетную невидимость. – Он сложил пальцы домиком. – Что предлагаете? Закупить у Москвы системы РЭБ за полмиллиарда? Уверен, акционеры будут в восторге, когда я им выставлю такой счёт.

– Нет, – Борисов встал и резко сделал шаг вперёд, его тень накрыла карту. – Мы тоже сыграем козырем. Но лучше. Стратегию мы начинали прорабатывать ещё в прошлом году.

Он положил на стол потрёпанную папку с чертежами.

– Проект «Як-3М». Берём старые добрые Як-3. Деревянная конструкция, минимум металла – та же невидимость. Ставим современный поршневого двигателя, подвесы для НУР-Сов и лёгких бомб. Стоимость одного такого аппарата – как у двух бронированных джипов. А урон он наносит на уровне взвода.

Громов взял папку, медленно листая страницы.

– Продолжайте.

– Это идеальное оружие для нашей ниши, Павел Игоревич, – подключился Ковалёв, загораясь. – Ремонтируется в полевых условиях силами моих ребят. Запчасти – или есть на складах, или их можно выточить на месте. Топлива жрёт в разы меньше, чем реактивный самолёт. И он может взлетать с грунтовки. Нам не нужны многомиллиардные аэродромы. Нам нужно ровное поле.

– По разведанным, при текущем положении дел, нам необходимо срочно усилить группировку разведывательных дронов, – Борисов четко отчеканил, его палец уперся в карту. – Внести корректировки по высотам их полетов, организовать эшелонирование. Это мы с майором Ветровым уже начали прорабатывать. – Медведь бросил взгляд на разведчика, тот молча кивнул, и в этом кивке была вся серьезность положения. – В систему ПВО тоже необходимо внести изменения. Создать мобильные расчеты – пулеметные установки в кузовах, а в идеале – легкие зенитные комплексы на базе джипов... Стационарные зенитки.

– Павел Игоревич, – поднялся начальник группы ПВО, его голос прозвучал собранно. – Я к концу завтрашнего дня представлю детальные предложения по реорганизации нашей противовоздушной обороны.

Громов закрыл папку. В ангаре повисла звенящая пауза, нарушаемая лишь монотонным гулом генератора, словно отсчитывающим секунды до следующего удара.

– Пилоты? – бросил он коротко, пронзая тишину.

– Уже есть, – немедленно откликнулся Борисов. – В нашем же резерве. Бывшие армейские летчики, спортсмены поршневого техники. Они «механики неба». Для них самолет – не машина, а живое существо. Мы не ищем гениев – мы даем инструмент тем, кто уже давно научился с ним разговаривать.

– Риски? – Громов не сводил с него холодного взгляда.

– Минимальны на фоне потенциальной выгоды, – уверенно, почти вызывающе, заявил Борисов. – Даже потеря нескольких машин не станет для бюджета критичной. Но их эффективность против караванов снабжения и полевых баз... – он сделал многозначительную паузу, – будет колоссальной.

Громов медленно откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. Его взгляд стал тяжелым и расчетливым, будто он взвешивал не тактические возможности, а чистую прибыль в столбцах балансового отчета.

– Ладно. – Громов отставил чашку. – Я покупаюсь на ваш «стартап». Готовьте расчёты, смету и план развёртывания. У вас 72 часа. Ровно семьдесят два.

Борисов и Ковалёв переглянулись. В этом молчаливом взгляде промелькнуло не облегчение, а скорее сдержанное торжество – главное, принципиальное согласие было получено.

– Есть ещё один момент, Павел Игоревич, – Борисов произнёс это тише, заставляя всех невольно прислушаться. Воздух сгустился. – При разборе обломков сбитого «Альбатроса» наши техники наткнулись на еще кое-что. Их самолёты управляются не только пилотами. Там стоит система ИИ. Помощник. Довольно примитивный, но он есть.

Громов нахмурился, его пальцы замерли на столе.

– И? – это прозвучало как скрежет стали.

– Они пытаются автоматизировать войну. Они отдают управление дронами в автоном, как отдельными так и роем. Они пытаются всюду исключить человеческий фактор, – Борисов сделал паузу, давая словам повиснуть в звенящей тишине. – Мы просим возобновить и активировать наш внутренний проект – «Сайра».

Громов медленно перевел взгляд с Борисова на Ковалёва, словно взвешивая их обоих на незримых весах риска и выгоды.

– Вы хотите встроить искусственный интеллект в эти... деревянные бипланы? – в его голосе впервые прозвучало не притворное, а самое настоящее, почти детское удивление, смешанное с долей безумного азарта.

– Мы хотим дать нашим пилотам лучшего напарника, – твёрдо, с инженерной непоколебимостью сказал Ковалёв. – Этот проект имеет все шансы на успех. Большая часть всей работы была сделана в том году. Да, техника старомодная, цифровых сигналов мало откуда соберешь. Но представьте: умная система, которая берет на себя связь, геолокацию, контроль приборной доски... Она освобождает пилота, чтобы он делал то, что умеет – летал и побеждал.

Громов медленно кивнул, и стало ясно – он видит уже не самолёты, а чистый, элегантный бизнес-план. Дешёвый, эффективный и технологичный продукт для гибридной войны.

– Хорошо. – Он поднялся, его тень резко вытянулась по стене. – Запускайте. И «Як-3М», и «Сайру». – Его взгляд, холодный и тяжелый, обвел всех присутствующих, останавливаясь на каждом. – Но помните – вы отвечаете за результат. Лично. Если этот «стартап» провалится... – он не стал договаривать, но в воздухе повисла вся невысказанная угроза. – Всё. Свободны.

Совещание было окончено. Бизнес на фоне войны, едва замедлив ход, снова набрал обороты.

--

Место: Москва, конференс-офис ЧВК Каспийский щит

Примерно один за год до нападения.

Свет в лаборатории был приглушённым, ядовито-синим, как в аквариуме для глубоководных существ. Он стекал с матовых потолочных панелей, выхватывая из полумрака прозрачные очертания серверных стоек, и ложился холодными бликами на корпуса мониторов. Лишь центральный экран, огромный и безрамочный, пылал в этой полутьме ослепительным окном в иной мир – виртуальное небо над выжженными Каракумами. По нему беззвучно скользила симуляция Як-3М, а в наушниках, лежащих на столе, раздавался спокойный, хрипловатый

голос: «Активация ПЗРК. 11 часов. Рекомендую: бочка с отсечкой на 300 метрах». В углу экрана подсвечивалось имя говорящего в эфире голоса: САЙРА (SAIRA) – Система Адаптивного Искусственного Разума Aviации.

За столом, заваленным распечатками, схемами и пустыми чашками из-под кофе, сидели трое.

Полковник Алексей Таранов – начальник отдела перспективных авиационных систем. Бывший лётчик-испытатель, человек, который сломал три позвонка, пытаясь вывести из штопора опытный истребитель. Его кредо: Если машина не слушается – бей по приборам. Он смотрел на экран с презрением.

Доктор технических наук Михаил Семёнов – ведущий инженер-кибернетик. Молодой, в очках, с лицом, на котором написано: Я умнее всех в этой комнате. Для него человек – это баг в системе.

И доктор Лариса Коваль – создатель проекта Нейро-Пилот. Женщина лет сорока, в простом сером свитере, с уставшими, но горящими глазами. На её запястье красовался браслет из биосовместимого полимера – интерфейс для снятия нейро-телеметрии, который она не снимала даже во сне, собирая данные для обучения Сайры. На столе перед ней лежала стопка распечатанных расшифровок полётов – не сухие логи, а живые, дышащие страхом и адреналином диалоги пилотов, которые были для неё священными текстами, ключом к пониманию той человечности, которую она пыталась вдохнуть в свой проект.

Но сегодня в их компанию вклинился четвёртый – Андрей Власов – Технар, главный инженер по авионике, человек, который последние 20 лет провёл не за монитором, а с отвёрткой в руке, колдуя над реальными, пахнущими маслом и бензином машинами.

– Стоп, – прервал он симуляцию, стукнув кулаком по столу. – Вы вообще понимаете, о чём говорите? Это вам не Су-57 с цифровой стеклянной кабиной и fly-by-wire! Это – Як-3! 1944 года выпуска, блин!

Все повернулись к нему. Даже Семёнов на секунду забыл про своё превосходство.

– Объясни, Андрей, – спокойно сказала Лариса. – В чём проблема?

– Проблема в том, что вы тут сидите и рассуждаете, как Сайра будет вмешиваться в управление, корректировать траекторию и спасать пилота. А как, простите, она это делает? У неё что, есть руки? Или она волшебным образом подключится к тросам управления и педалям?

Он встал, подошёл к доске и нарисовал грубую схему:

– Смотрите: Як-3 – это чистая механика. Тросы. Рычаги. Педали. Никаких сервоприводов, никаких цифровых шин управления. Всё – напрямую от рук и ног пилота к элеронам, рулю высоты и направления. Сайра – это коробка с процессором, которая сидит за креслом. Она может говорить. Может предупреждать. Может анализировать данные с датчиков, которых, кстати, не так уж и много! Но физически она не может дергать за штурвал или жать на педали! Это – не её уровень доступа. Это – не её функция. И, чёрт возьми, это... – вообще невозможно!

Таранов кивнул довольно:

– Вот! Наконец-то кто-то сказал это вслух! Она – не пилот-робот. Она – радио в кабине, которое слишком много болтает!

Семёнов поправил очки, усмехнулся:

– Радио? Товарищ полковник, вы упрощаете. Сайра – это продвинутая система анализа и прогнозирования. Она может рассчитать оптимальную траекторию ухода от ракеты с точностью до метра и доли секунды.

– И что? – фыркнул Таранов. – Она рассчитает, а пилот должен успеть это сделать! При том своими руками! Вы думаете, когда ПЗРК уже в 500 метрах, у него есть время смотреть на цифры на дисплее? Он должен чувствовать машину! Или вы хотите, чтобы мы поставили на Як гидравлические сервоприводы и цифровую систему управления? Тогда это будет уже не Як, а какой-то... мутант! Мы потеряем в скорости, в маневренности. Да мы вообще тогда всю идею

с Яком загубим! – полковник встал, потянулся было за сигаретами в карман, но передумал. Вместо того чтобы прикурить сигарету он начал тихо стучать зажигалкой по столу.

Лариса молчала. Она смотрела на схему, нарисованную Власовым. Потом – на экран с виртуальным Яком. Перед её мысленным взором поплыли десятки часов изученных переговоров. Не тексты стенографисток, а живые, наполненные адреналином и страхом голоса. Она вспоминала, как пилоты в паре, сбивчиво и коротко, обменивались фразами, создавая общую картину боя: У меня справа, прикрой!, Вижу его, бросаю вниз!, Спасибо, братан, выручил.... Она слышала и одинокие голоса в эфире, когда пилот, оставшись без ведомого, бормотал себе под нос, будто заклинание, всё, что видел: Зенитка на холме... два грузовика уходят в ущелье... дым... много дыма.... Эти голоса были для неё не просто данными. Это был живой нерв войны, который она и пыталась вживить в холодную логику Сайры.

– Андрей прав, – сказала она, наконец. – Сайра – не замена пилоту. Она – его расширение. Она не управляет самолётом. Она управляет... информацией.

Она повернулась к ним.

– Она анализирует не только параметры полёта. Она анализирует пилота. Его голос – тембр, частоту, паузы. Его мимику – через камеру в кабине. Его биометрию – пульс, потоотделение. Она учится на нём. Не на абстрактной модели. На конкретном человеке. Она сканирует все датчики, которые возможно установить, вообще все цифры, которые возможно вывести с этого самолета.

– Это... вторжение в личное пространство! – возмутился Таранов.

– Это – спасение жизни, – спокойно ответила Лариса. – Когда пилот входит в зону стресса, Сайра не кричит ДЕЛАЙ ЭТО!. Она адаптирует свой совет. Если он – циник, она говорит коротко, по делу. Если он – новичок, она объясняет. Она не заменяет его интуицию. Она усиливает её. Она – как напарник, который знает тебя лучше, чем ты сам.

Полковник задумался.

– И как вы предлагаете это осуществить? Модернизировать самолет через систему искусственного интеллекта?

– Осведомлённость, – Лариса посмотрела на каждого из них, переводя взгляд с инженера на военного. – Представьте самого опытного штурмана, который видит всё и сразу. Сайра – это он. Её задача – собирать мозаику из сотен мелких деталей, которые пилот просто не успеваешь заметить в бою.

Она обвела рукой воображаемую сферу вокруг себя.

– Спутниковая навигация скажет о внезапном порыве ветра на подлёте к цели. Давление в масляной системе предупредит о возможном отказе двигателя на десять минут раньше, чем это почувствует пилот. Анализ расхода боеприпасов подскажет, хватит ли патронов на второй заход. Она видит высоту, скорость, курс, расположение сил противника – и предлагает пилоту наилучший вариант. Как тихий голос за спиной, который шепчет: Смотри, слева от тебя ущелье, там можно укрыться, или Топлива хватит на двадцать минут, из них 10 минут боя, лучше выйти из схватки.

– И кто принимает решение? – недоверчиво спросил Таранов.

– Всегда – человек! – твёрдо ответила Лариса. – Всегда. Пилот. Она лишь подаёт ему информацию в том виде, в котором он сможет её мгновенно усвоить. А в критической ситуации... – Лариса сделала небольшую паузу, – ...она просто напомнит ему о самом важном. Как друг. Как напарник. Как голос самого пилота, который он когда-то доверил машине.

Тишина. Даже шелест серверов на секунду стих. Она посмотрела на обоих специалистов, а потом – на полковника.

– Ладно. Если она не лезет в управление – я за, – выдал полковник. – Пусть болтает. Главное – чтобы не отвлекала в критический момент. И чтобы пилот её не послал, куда подальше в самый неподходящий момент.

– Она научится не отвлекать, – улыбнулась Лариса. – Она научится... молчать, когда нужно.

Семёнов пожал плечами.

– 68% выживаемости при поддержке, пусть и дружеской – всё равно лучше, чем 41%.

Логично.

Таранов кивнул – медленно, тяжело.

– Хорошо. Только никаких голосов прошлых бывших пилотов. Это – моё условие.

– Принято. – Лариса протянула руку.

Семенов пожал её первым. Полковник пожал последним.

Она повернулась к экрану. К виртуальному Яку, зависшему над виртуальными песками.

Глава 2

Я ненавижу её голос. Но ещё больше ненавижу, когда она бывает права. – Артем Волков.

Солнце ещё не успело подняться в зенит, но плоская, как стол, равнина Каракумов уже дрожала в мареве. На многие километры тянулась выжженная, потрескавшаяся земля, поросшая редкими пучками жёсткой, седой полыни. Среди этого мёртвого пространства, прилепившись к развалинам старой постройки с осыпавшимися стенами, темнело низкое, бесформенное сооружение из мешков с песком и натянутых камуфляжных сетей – база Каспийский Щит. Вся база представляла собой временный лагерь, встроженный в уцелевшие корпуса старой советской радиолокационной станции. Комплекс бетонных бункеров и антенн на вершине в пустыне. Вокруг, между высохшими стволами саксаула, колыхалось море камуфляжных сетей, скрывающая технику и людей от любопытных глаз с воздуха. Здесь, на этом клочке выжженной земли, планировались такие же операции, как и неделю назад, и как будут планироваться завтра – казалось, эта война не знала конца.

Внутри старых бункеров было тесно и душно. Единственным источником света служила тусклая LED-лента, прилепленная к балке под потолком. Она отбрасывала резкие тени на лица людей и на разложенную на складном столе карту.

За столом стоял Медведь – Полковник Борисов. Перед ним – трое пилотов. Артём – в стороне, прислонившись к стене, с кружкой крепкого, обжигающего чая. Двое других – молодые, с горящими глазами и слишком новыми комбинезонами.

– Присаживайтесь, – сказал Борисов, не повышая голоса. – Время – деньги. А у нас – только время.

Все сели. Артём – последним.

– Текущее задание простое, – начал Борисов, ткнув пальцем в карту, в точку под названием Балканабад. – Разведка доложила, что сепаратисты организовали полевой склад ГСМ и мастерскую по ремонту техники на старом содовом заводе. Туда же вчера завезли ящики с запчастями для турецких беспилотников.

Он сделал паузу, глядя на каждого.

– Как вам известно, март – это не про громкие победы. Это про грязь, пот и тыловую грызню. Они нас изматывают рейдами дронов – мы им в ответ режем тылы. Они не могут выйти из своего сектора, мы не даём им спокойно спать. Их Каспийская Республика держится на трёх китах: турецкие советники, азербайджанские деньги и наши же туркменские углеводороды. Задача – выбить один из этих китов. Пусть хоть на неделю, но захлебнутся.

Он перевёл взгляд на юг карты.

– На хвосте у сепаров – Исламисты Юга. Сидят в Мары, как тараканы за плитусом. Но если почуют нашу слабину – клюнут. Лишите их Альбатросы топлива – и они превратятся в грудку железа. Но сначала надо разбить подкрепление. Иначе потом нам самим уже будет не добраться.

Борисов посмотрел на Артёма.

– Ваша задача – не геройство, а ювелирная работа, – он упёрся пальцем в карту. – Точечные удары. Один заход – одна бомба. Цель – моторизованная колонна. Волк бьёт по головной машине, создавая затор. – Его взгляд сместился на остальных пилотов. – Тень, Гром, закидываете хвост, центр, пока они не разъехались. Запереть, создать мясорубку.

Медведь прошелся перед пилотами, оценивающе глядя на каждого, и, развернувшись, закончил уже по-отечески, без прежней жёсткости:

– Никакого геройства, парни, ясно? Пришли, накрыли, ушли. Без шоу. – Полковник выдержал паузу, – Вопросы?

Вопросов ни у кого не возникло. Для Артёма это не первый вылет, не первая операция, он и сам мог спланировать ее, но было положено получить инструктаж. Задумавшись о чем-то, о своем, Волк уставился в то место, на которое полковник указал пальцем. Стоял, не моргая и не отрывая взгляда от карты.

– Артем, – окликнул его Медведь, – в воздухе работай с Сайрой. Она знает карту ПВО этого района лучше, чем ты свою кабину. Не отключай её. Это – не просьба. Это – приказ. С самого верха

Один из молодых пилотов хмыкнул.

– Искусственный интеллект? Серьёзно, полковник?

Борисов медленно повернулся к нему. Взгляд – ледяной.

– Ты летал с ней?

– Нет, товарищ полковник... Обещают скоро поставить.

– Тогда – заткнись. Она узнает, откуда ждать ракету, пока ты кнопку ловушки на ручке будешь искать.

Он снова посмотрел на Артёма.

– Вы все помните, что было, хотя бы, год назад? – спросил Борисов, оглядывая уже всех. – Нас показали слабыми. Нас застали врасплох. Сегодня – мы показываем, что урок усвоен. Сегодня – мы не жертвы. Мы – кулак.

Он встал.

– Время вылета – через полчаса. Волков – ведущий. Остальные – прикрытие. Вопросы? Снова тишина.

– Тогда – свободны. Готовьтесь. И помните: небо – не просто ваш друг. Оно – ваше оружие.

Артём встал. Отставил кружку. Опять посмотрел на карту – на Балканабад, на южные горы, где погиб Кирилл, на пустыню, где горел красный диод целеуказателя..

...не геройство, а ювелирная работа... – эхом звучали слова Борисова.

Он усмехнулся – горько, цинично. Каждый мой бой – ювелирная работа – подумал он и вышел из бункера – навстречу солнцу, песку и войне, которая никогда не заканчивается.

Крупный сухой песок скрипел под сапогами – сухо, противно. Артём провёл тыльной стороной ладони по лбу, смахивая пот, и тут же почувствовал, как соль впилась в свежую царапину. А вокруг – тот самый запах: бензин, пыль, горячее масло и лёгкая, едва уловимая гарь – запах жизни, запах войны, запах единственного дома, который у него остался.

Перед ним стоял его Старик – Як-3М-21. Не музейный экспонат и не раритет для парадов, а живая, дышащая машина. Крылья помнили сотни боёв, а обшивка хранила шрамы от осколков и пуль, как ветеран медали на груди. Двигатель ВК-108М – отличный мотор. Артём знал этот мотор лучше, чем собственное тело – каждую трещину, каждый хриплый вздох при запуске, каждый чих, когда масло ещё не разогрелось. Это был не двигатель. Это был его голос.

– Ты опять его гладишь, как кошку. Это не поможет, – раздался голос в наушниках – спокойный, женский, с лёгкой хрипотцой, будто говорила не машина, а уставшая радистка из прошлого века.

Артём знал, откуда он идёт – из чёрного цилиндрического модуля за его креслом. Сайра. Система Адаптивного Искусственного Разума Aviации. Ему её впаляли в самолёт неделю назад – против его воли.

– Это не про помощь. Это про уважение. Он старый, как я.

– Ему 84 года. Тебе – 45. Логическая ошибка.

– Заткнись, Сайра.

Он постучал костяшками по капоту – три раза, ритуал, как молитва перед боем. Левее винта, там, где на старом Яке была трещина, а теперь – сварной шов, крепкий, но не забытый.

– Не подведи, Старик.

Артем залез в кабину – узко, тесно, как в гробу с видом на небо. Ремни – потёртые. Приборная панель – странная смесь эпох: стрелочные приборы 1944 года соседствуют с цифровыми, GPS-дисплей, а на лобовом стекле – голографический прицел, холодный, бездушный, чужой. Он терпел все это оборудование. Но доверял – только железу.

Артём потянул на себя рычаг воздушной системы. Раздался резкий, шипящий звук – бортовой баллон наполнялся. Взгляд скользнул по манометру: стрелка медленно, но верно поползла к рабочей отметке.

– Давление в системе – 48 атмосфер. Достаточно для запуска, – отчеканила Сайра.

– Вижу, – буркнул он, переводя взгляд на другой прибор. – Но масло всё равно еще холодное.

Несмотря на палящую жару снаружи, ночь в пустыне была ледяной. Стрелка указателя температуры масла замерла на отметке +12°C.

– Температура масла +18. Прогрейте до +40. Это займёт около двух минут, – поправила его Сайра, её голос был ровным, но в нём слышалась лёгкая укоризна.

– Да знаю я, Сайра, – сквозь зубы пробормотал Артём.

Он повернул ключ зажигания для запуска магнето и вибратора. Мотор чихнул, выплюнув из выхлопных патрубков клуб сизого дыма. Потом еще один чих, но уже увереннее. И, наконец, зарычал, как зверь, которого разбудили слишком рано, но который всё равно готов рвать и метать.

Прогревая двигатель, Артём на автомате запустил свой планшет. Тот отреагировал зеленым свечением после считывания отпечатка пальца. Шершавым подушечкам, привыкшими чувствовать металл, было непривычно скользить по гладкому стеклу. Он развёл пальцы, увеличивая масштаб карты, затем резким, точным тапом вывел маркером крестик в районе ущелья – предполагаемое местоположение цели. Осмотрел район возможных путей отхода, сверил высотные отметки местности. Его взгляд, выхватив ключевые данные, заскользил по стрелочным приборам панели: обороты плавают в районе восьмисот, давление масла медленно, но верно ползёт вверх, температура показывала уже +25°C. Он видел всё то же самое, что и Сайра, но ему нужно было почувствовать это самому, своими глазами, своей старой, как мир, пилотской привычкой – доверять, но проверять.

– Координаты цели загружены. Все системы в пределах нормы. Прогрев на 65%, – её голос прозвучал ровно, без намёка на упрёк, но Артёму показалось, что в нём сквозит лёгкое понимание. Она уже всё проанализировала, всё просчитала. Но она молчала, позволяя ему совершить этот маленький ритуал, эту дань уважения к небу, без которой он не мог подняться в воздух.

Он потянул ручку управления шагом винта плавно на себя, переводя лопасти в режим мелкий шаг для максимальной тяги на взлёте. Потом – рычаг газа. Не резко. С чувством. Мотор ответил ровно, мощно, с вибрацией, которая шла не в уши, а в кости, в позвоночник, в самую душу.

Артём надел шлем. Включил общую связь.

– База, Волк на старте. Запрашиваю разрешение на вылет.

– Разрешаю, – раздался голос в наушниках, – Координаты в твоём планшете. Будь точен. Мы не можем позволить себе ошибок.

– Как всегда.

Артем отпустил тормоза. Старик медленно покатился по грунтовке – пыль брызнула из-под колёс, как кровь из свежей раны.

– Координаты я бы подсказала тебе. Он не доверяет мне? – спросила Артема Сайра.

– Он никому не доверяет.

– А ты?

Артём на секунду замер.

– Я ненавижу тебя.

– Принято.

Он увеличил обороты – подал рычаги вперед плавно, но уверенно, без сомнений до отказа. Лево́й ногой слегка придавил педаль, выравнивая курс, компенсируя момент от винта. Лево́й рукой – притянул газ, дозируя тягу, чувствуя, как мотор набирает обороты, как винт вгрызается в воздух.

Разбег.

Скорость на приборе – 50... 70... 90...

– Скорость 90. Ветер попутный, 5 узлов, – отозвалась Сайра.

– Вижу.

100... 120... 130...

Артём чувствовал каждую вибрацию планера, каждый толчок от неровностей грунта, передающийся через штурвал и педали. Он не смотрел приборы. Он чувствовал машину – как она дышит, как она рвётся в небо.

150... 180...

– Скорость отрыва – достигнута, – предупредила Сайра.

Он плавно, но уверенно потянул штурвал на себя. Старик оторвался от земли – легко, как будто всегда ждал этого, как будто песок был ему не домом, а тюрьмой.

Пески остались внизу. Небо – впереди, чистое, жестокое, свободное.

– Набор высоты. Скорость 200. Высота 20.

– Убираю газ. Перевожу винт на грубый шаг, – Артем начал проговаривать то, что делает – сам не зная зачем, будто подражал своему новому модулю искусственного интеллекта. Он потянул ручку шага вперёд. Мотор стал работать тише, ровнее. – Давай, старик. На высоту.

Як задрал нос, набирая высоту. Солнце било в лицо, слепя и обжигая. Ветер выль в щелях фонаря. Не как помеха, а как музыка, как песня, которую знаешь наизусть. А мотор напевал свою мелодию – низкую, грубую, живую, как пульс человека, который ещё не сдался.

– Ты дышишь чаще, когда выходишь на боевой курс. Почему? – спросила Сайра.

– А ты как думаешь?

– Адреналин. Страх. Возбуждение. Ты любишь это?

– Нет. Я это ненавижу. Но умею.

– ...я начинаю это понимать.

– Волк. Я в километре от тебя справа. Иду на сближение. – Голос в наушниках – молодой, напористый, чуть наигранно-бравый. Максим Петров – Гром, 26 лет, бывший спортсмен, летает так же на Яке – Молния. Всё делает на пределе, верит в огонь и манёвр.

– Волк. Я на позиции. Держусь 600 метров сзади и выше. – Голос – низкий, спокойный, почти безэмоциональный. Алексей Воронов – Тень, 38 лет, бывший разведчик, летает тоже на Яке – Призраке. Летает тихо, незаметно, как его позывной.

Вся их эскадрилья, какая бы она ни была, летает на Яках. Самолетов «Щит» нашел не много, но новых пилотов есть на что посадить.

– Принято. Строимся в клин. Неудобно, но раз уж все вместе пошли, то только так. Полу-сферы разобрали, смотрим внимательно.

Строй тройкой – клин – был идеален для их разношёрстной команды, но в паре Артему летать было гораздо удобнее. Старик Артёма вёл группу, занимая вершину воображаемого треугольника. Справа и чуть сзади, на дистанции в два корпуса, держалась Молния Грома. Пилот нервно покачивал крыльями, его самолёт казался живым, готовым в любой миг сорваться с места – терпение никогда не было сильной стороной Максима. Он уже мысленно представлял, как врежется в строй врага, и едва сдерживал нетерпение.

Слева и тоже сзади, словно серая тень, почти растворяясь в мареве, шёл Призрак Тени. Алексей Воронов был полной противоположностью Грому – его самолёт казался не летящим,

а неподвижно висящим в воздухе, настолько плавными и выверенными были его движения. Его глаза, скрытые затемнённым стеклом шлема, безостановочно сканировали сектора: небо, землю, шесть, воздух вокруг. Он не видел будущего боя – он видел десятки возможных засад, траектории ракет и манёвры уклонения. Его спокойствие было ледяным и абсолютным. В этой тройке он был щитом, зрением и холодным расчётом, прикрывающим горячность Грома и фокусировку Артёма.

Артём также никогда не заикливался только на атаке. Пока Сайра беззвучно обрабатывала данные, его собственный мозг, воспитанный годами войны, просчитывал главное – маневр отхода. Вход – это только полдела, – твердил он себе. – Выход живым – вот вся задача. Он мысленно набрасывал на карту возможные угрозы: откуда ждать зенитного огня, куда уйти, если из-за облака вынырнет Альбатрос, где среди этих коричневых складок местности таится спасительная царапина ущелья. Он всегда прикидывал запасной маршрут, и часто не один.

Чтобы проверить свои мысленные построения и получить полную картину, он коротким, точным движением штурвала он завалил Старика на левое крыло. Мир за стеклом кабины накренился, и земля поплыла прямо под ним, открывая панораму. Он просканировал сектор, ища неестественные тени, блики на стекле или движение, которые могли бы выдать засаду. Секунда – и плавный переход в крен на правое крыло. Тот же отработанный алгоритм: взгляд скользит по пескам, скалам, руслу высохших рек, выискивая угрозы, которые могли укрыться в мертвой зоне под фюзеляжем. Этот танец с кренами был его способом почувствовать поле боя кожей, дополнив бездушные цифры Сайры живой интуицией пилота.

Они вышли на позицию. Колонна тянулась по пыльной дороге, как змея – 12 грузовиков, 3 БТР, 2 зенитки ЗУ-23 прицеплены к грузовикам.

– Подходим к цели. Координаты зафиксированы, – доложила Сайра.

– Сам вижу. Гром, Тень – готовимся к атаке. План А. Я – первый. Гром – второй, по левому флангу. Тень – прикрытие и добивание. Ждём моей команды.

– Принято, Волк! – бодро отозвался Гром.

– Жду, – коротко сказал Тень.

Артём выровнял крылья. Перевёл взгляд с HUD на старый ПБП-1А кольцо, мушка, ничего лишнего.

– Сайра, статус зениток?

– Обе активны. Повреждений не вижу. Возможны атаки личного состава, тенты на грузовиках откидные. Сектор обстрела – вкруг.

– Внимание, группа. Гром, следуй за мной, Тень, ты разворачивайся в сторону хвоста колонны, атаковать будешь последним сзади. Атака через 3... 2...

Он сбросил газ. Потянул ручку шага винта на себя – переводя лопасти в мелкий шаг для резкого пикирования. Они прошли над колонной – в сторону её движения, на высоте около километра.

– ...1.. Работаем...

Артём быстро положил ручку управления вправо и тут же дал правой ногой на педаль. Старик послушно закрутился вокруг продольной оси, выполняя четкую полубочку. Воздушные вихри закрутились у фонаря, и ветер в его щелях взвыл на новой ноте. Через мгновение он уже висел вниз головой, потянул ручку на себя. G-сила вдавила его в кресло с нарастающей тяжестью, кровь отлила от головы, поплыли чёрные круги. Старик, подобно пикирующему соколу, клюнул носом и понёсся к земле почти вертикально, с визгом обтекаемого ветром воздуха.

– Перегрузка 4.1. Риск потери зрения, – предупредила Сайра.

– Заткнись.

Артемом пикировал прямо на цель, стрелка высотомера лихорадочно крутилась – вниз, вниз, вниз. 1000... 800... 600... он оглянулся, и через стекло увидел, как шлейфом повторил его маневр Гром.

– Шмель! На 11 часов, – рапортовала Сайра, и тут же вскрикнула, – Осторожно, ракета!
– Вижу.

Он дернул рукоятку на себя – не плавно, а рвано, дерзко, как будто спорил с гравитацией. Самолёт сломал траекторию – мгновение хаоса, иллюзия падения, обман зрения.

Пшш-Пшш. Ловушки отлетели от самолета.

Зенитный снаряд пролетел в 10 метрах – хлопок, волна, даже в кабине – будто по груди ударили.

– Отлично. Теперь – главный удар.

Он на секунду зафиксировал прицел на головном грузовике, затем резко двинул большим пальцем на ручке управления, срывая предохранитель с кнопки пуска.

– Пуск!

Из-под крыла, с коротким шипением и клубом белого дыма, сорвалась ракета С-8КО. Она рванула вперёд, оставляя за собой огненный хвост, и через мгновение врезалась точно в кабину ведущего грузовика. Настройка на вторую машину. Пуск.

Ослепительная вспышка, и голова колонны исчезла в огненном шаре. Грузовик, словно игрушечный, оторвался от земли и рухнул на бок, перекрывая дорогу. Последующие машины замерли в нерешительности, пытаясь объехать горящую преграду и создавая идеальную пробку. Второй грузовик разорвало на куски. Третий воспламенился.

– Попадание. Цели уничтожены, – доложила Сайра, но Артём уже видел это сам. Сквозь лёгкую дымку, плывущую в кабину, доносился едкий запах ракетного топлива – горький и металлический.

– Три грузовика, – доложила Сайра.

– Ещё бы.

– Волк, я в атаке! – закричал Максим, и его Як, как разъярённый бык, ворвался в строй колонны, поливая пулёмётным огнём последующие грузовики. Взрывы – один за другим.

– Гром, сильно не снижайся! – рывкнул Артём, дал полный газ и потянул ручку на себя, взмывая вверх.

– Да, Волк!

– Тень, твоя очередь, дождись как Гром отойдет.

– Принято.

Призрак Воронова появился действительно как тень. Бесшумно, без лишнего шума, с высоты. Его Як сбросил две корректируемые бомбы УАБ-50.

БА-БАХ! БА-БАХ!

Прямые попадания в БТР и зенитную установку. Машины превратились в клубы дыма и огня.

– Цель уничтожена на 74%. Колонна рассеяна, – доложила Сайра.

Артём осматривал горизонт, задние сектора самолета.

– Сайра, курс отхода 180, – бросил он, и на планшете сразу появилась направляющая линия. – Всем за мной. Сначала уходим в грунт, затем поднимаемся до 2500 метров и держимся высоты.

Он плавно, но уверенно потянул штурвал, закладывая правый разворот, одновременно добавляя газ. Старик послушно накренился, разворачиваясь на обратный курс.

– Тень на позиции, – доложил Воронов, его самолёт уже занимал место в строю.

– Понял, Волк! – бодро отозвался Гром, разворачивая свою Молнию вслед за ведущим.

– Высота 50 метров... 25... – монотонно докладывала Сайра, но Артём и так видел это своими глазами. Песчаные барханы поднимались им навстречу, казалось, до них можно было дотронуться кончиком крыла. Он вёл группу, буквально огибая складки местности, используя каждую впадину, каждую гряду дюн как укрытие от назойливых глаз радаров.

Три Яка, как стая хищников, закончивших охоту, легли на обратный курс – домой, к своему логову в песках.

– Хвост чист, – спокойно сказал Тень.

– Гром, Тень, дистанцию держать! Слева холм, проходим с разрывом! – скомандовал он, видя на карте рельефа, которую проецировала Сайра, опасный участок.

Самолёты, как стая стрижей, пронеслись над самыми гребнями песков, их тени мелькали по земле, сливаясь с пятнами чахлой растительности. Только когда за спиной осталось километров десять, а дым от разгромленной колонны скрылся за горизонтом, Артём разрешил себе начать плавный набор высоты.

– Сердцебиение – 160. Адреналин спадает. Риск шока, – доложила Сайра.

– Не сейчас, – Артем снова пробежался по карте, – Долетим.

– Артем... я и не дам тебе упасть.

Он не ответил.

В эти минуты полёта домой, когда адреналин отступал, его всегда накрывало одно и то же чувство – тяжёлая, свинцовая ответственность. Не просто за выполнение приказа, а за тех, кого он вёл за собой. Гром цел, горяч, но жив. Тень на месте, холоден и надёжен. Все свои. Все живы. На этот раз. Он смотрел на бескрайнее небо перед собой, и в памяти всплывало другое небо – кристально-чистое, над аэродромом его детства, где он летал просто так, ради самого полёта, ради счастья, которое дарила одна лишь высота. Сейчас небо было другим – местом работы, смертельной игрой. Но даже в этих боевых условиях, глядя на уходящие за горизонт пески, он ловил в себе слабый отголосок того старого чувства – свободы.

База показалась на горизонте – маленькая, пыльная, но своя. Артём сбросил газ. Перевёл винт на мелкий шаг.

– База, Волк на подходе. Запрашиваю посадку.

– Разрешаю. Ветер 8 узлов. Дорожка чиста, – ответил диспетчер.

Артем начал снижение. Плавно. Мягко. Чувствуя каждый метр высоты, каждую перемену давления на элероны.

– Высота 500... Скорость 280... – докладывала Сайра, – 400.. на 250...

– Да вижу я сам!

Он выпустил шасси – тяжёлый, металлический лязг, знакомый, как собственное дыхание.

– Шасси выпущено. Замечаний нет.

– Знаю.

Заход на глиссаду. Он не смотрел на приборы. Он чувствовал угол атаки, сопротивление воздуха, вибрацию в штурвале.

– Высота 20... Скорость 190...

Он приподнял нос – чуть-чуть, на пару градусов, чтобы сгладить касание. Правой ногой – лёгкое давление на педаль, компенсируя боковой ветер.левой рукой – тонкая корректировка газа, удерживая скорость на грани сваливания. Касание.

Левая стойка – коснулась грунта первой – мягко, почти нежно. Правая – последовала за ней – с лёгким, упругим толчком. Хвостовое колесо – опустилось с глухим стуком. Он сразу, резко, но плавно – нажал на тормоза. Не в пол, а дозированно, чувствуя, как шасси скрипят по песку, как самолёт замедляется, как инерция сопротивляется, но сдаётся.

– Касание – мягкое. Длина пробега – 280 метров. В пределах нормы.

– Знаю я, Сайра! – сквозь зубы процедил Артём.

Он вырuling с полосы. Заглушил мотор. Последний, хриплый вздох – и тишина. Он снял шлем. Пот стекал по вискам. Руки дрожали от адреналина, который, наконец, начал отступать.

– Посадка – отличная. Но правая стойка шасси, мне показалось, шумит. Есть риск заклинивания, неожиданно для Артема выдала Сайра.

– Спасибо, доктор..

Он выбрался из кабины. Солнце слепило. Песок хрустел под ногами.
Рядом – уже стояли Молния и Призрак. Из кабин вылезали Гром и Тень.

Гром подбежал первым, сияя, как новенькая гильза:

– Волк! Ты видел, как я их накрыл?! Прямо в башню!

Артём кивнул:

– Видел. Не спускайся так низко в следующий раз. Разберем потом все это.

– Да ладно, всё же норм!

Тень подошёл молча. Подмигнул Грому, кивнул Артёму.

– Чисто сработал. Как всегда.

– Ты тоже, всё в точку.

Они стояли втроём – уставшие, потные, но с чувством выполненного долга. Над ними – небо. Вокруг – песок. Впереди – чай и отдых.

Артём похлопал по фюзеляжу Старика.

– Ну что, дожил?

– 100% структурной целостности. Для твоего возраста – отличный результат, – откликнулась в наушниках Сайра.

– Я про самолёт, Сайра.

– ...я тоже.

Арте́м усмехнулся.

Задача выполнена. Все живы. Дома. Больше, в этот момент, ему ничего не было нужно.

Глава 3

Самолёт не молчит. Он дышит. И если прислушаться – расскажет, где болит. – Рустам, механик.

– Эй, Механик! Не стой, как памятник – иди сюда! Чайник уже гудит. И не тот, что на твоих плечах! – раздался голос – грубый, с южным акцентом, сдобренный смехом.

Рустам – главный механик базы, бывший инженер из Ашхабада, теперь – папа всех самолётов ЧВК Каспийский Щит, человек, который мог починить даже совесть, если бы она сломалась. Но её у него не было от слова совсем. На нём – потрёпанная кожаная куртка, на груди пятно масла, на лице – усмешка, которая никогда не доходила до глаз.

После доклада Борисову об итогах вылета Артём вышел из прохладного полумрака бункера на палящий солнцепёк. Воздух, раскалённый за время их полёта, обжёг лёгкие. Он оставался, давая глазам привыкнуть к слепящему свету, и потянул носом знакомый запах базы – смесь раскалённого песка и авиационного керосина.

Механик сам пошёл к Артёму своей особой походкой – чуть раскачиваясь, с лёгкой переваливающейся пластикой могучего, но не тяжелого человека. Его поступь была твердой и уверенной, ступни в промасленных сапогах будто вжимались в песок, оставляя чёткие следы. Эта походка говорила о многом: о привычке к работе на любом грунте, о врождённой силе и о некой внутренней, непоколебимой стабильности. Он не спешил, но каждый его шаг сокращал расстояние с неумолимой точностью сходящихся деталей в его руках.

Подойдя вплотную, Рустам не стал ничего спрашивать. Он молча, по-братски, похлопал Артёма по плечу, задержав свою жилистую, испачканную в смазке ладонь на его комбинезоне. В этом жесте была вся их общая история – и понимание, и одобрение, и бессловесный вопрос: Целым вернулся? Артём кивнул, и в ответ на его усталое, но спокойное лицо Рустам широко, по-южному оскалился, и в его тёмных глазах вспыхнули тёплые искорки. Никаких лишних слов. Просто протянул Артёму жестяную кружку с дымящимся крепким чаем – их ритуал, их причастие после каждого вылета. И в этот момент Артём почувствовал, как последнее напряжение покидает его плечи. Здесь, возле своего самолёта и этого человека, он был дома.

– Ну? Как он? – спросил Артём, принимая от Рустама кружку.

Рустам постучал по цилиндрам ключом – звонко, ритмично, как по кристаллу.

– С мотором – идеально. Ни стука, ни вибраций. Как у новорождённого телёнка – только с 1800 лошадиных сил. Ты его и не гонял еще, как я вижу – танцуешь пока. Даже масло чистое, как слеза младенца.

Артём усмехнулся, отхлебнув чая.

– А что, по-твоему, я должен был делать? Убегать от ПЗРК на крейсерской тяге?

Они сели на ящики из-под патронов – холодные, твёрдые, надёжные. Под навесом – ещё два Яка. Один – в разобранном виде, кишки наружу. Второй – с открытым моторным отсеком.

Рустам жарил на примусе что-то невероятно пахнущее.

– Слышал, что Серые Призраки на Альбатросах теперь делают? – начал он, переворачивая шашлык.

– Что?

– Подключают свои модули... прямо к пушкам.

Артём нахмурился.

– Как это – прямо?

– А вот так. У них – простая система. TURK-AI, зовут. Холодный голос, как у бухгалтера. Не учится. Не чувствует. Только вычисляет. И – командует.

Рустам сделал паузу, наслаждаясь эффектом.

– Пилот – сидит. Смотрит в HUD. Видит цель. Нажимает кнопку разрешить автономный огонь. И – бац! – модуль сам выбирает момент, сам ведёт прицел, сам стреляет. Пилот – просто пассажир. Как на беспилотнике с креслом.

Артём фыркнул.

– Идиоты. Что, если система загрузит?

– А что, если человек загрузит? – парировал Рустам. – Так им проще. Особенно новичкам. Турки их учат: доверьтесь машине – и выживете. Как в Сирии учили...

Он не договорил. Оба знали, о ком речь.

– А Чёрные Тюрбаны? – спросил Артём.

– У них – вообще дикари. Берут старые Грачи, впихивают в кабину коробку с Штурманом-3 – это их модули, типа. Голос – как у робота из дешёвого фильма. Может только цели называть и курс давать. Больше – ничего. Но зато – дешево. И главное – не учится. Им это не надо. Им надо – аллах акбар – и вперёд.

Артём кивнул. Это было логично. Тюрбаны не нуждались в тактике. Им нужна была вера. А вера – не требует алгоритмов.

– А Kartal-1? – спросил Артём, имея в виду турецкие ударные беспилотники.

– О, это – отдельная песня. У них – модуль Süvari – Всадник. Без голоса вообще. Без души. Без совести. Он не говорит. Он – убивает. Работает в рое. Один беспилотник – видит цель, второй – вычисляет траекторию, третий – бьёт. Как стая волков. Только из пластика и микросхем. Самое страшное, что они не боятся. Не устают. Не сомневаются. И не просят пощады.

Артём посмотрел на Старика. Где-то там чёрный цилиндрический модуль за кабиной.

– Она вроде не такая.

– Не, – согласился Рустам. – Она другая. И знаешь почему? Потому что она не просто вычисляет. Она понимает. Тебя. Твои манёвры, твои ошибки, даже твоё дыхание.

Он понизил голос, хотя вокруг никого не было.

– Говорят, у них в Стамбуле есть лаборатория. Там сидят учёные – и пытаются понять, как она работает. Как именно она учится. Они думают, что если поймут – смогут наделать таких модулей сотни. Тысячи. Поставить на беспилотники. На танки. На всё. И тогда машины будут командовать войной, а не люди... Люди будут просто нажимать кнопки.

Артём кивнул. Посмотрел на небо.

– Значит, они её хотят... не для войны. А для... производства войны.

– Вот именно. Твоя Сайра – это не оружие. Это – мозг. А мозг, который умеет учиться на человеке... это – ключ к будущему. Они считают, что это ключ к их будущему. Без нас.

Артём допил чай, чувствуя, как густая жара и сладкая горечь напитка растворяют в теле остатки боевого напряжения. Его взгляд, скользнув по фюзеляжу Старика, по бескрайнему песку и высокому безжалостному небу, наконец, остановился на Рустаме. Он выдержал паузу, уголки его губ дрогнули, тронутые едва уловимым движением, а глаза, прищуренные от палящего солнца, вдруг ожили. Глубокие морщины лучами разошлись от век к вискам – немые свидетельства сотен таких же послеполётных мгновений. Они прочертились на его загорелой коже, выдав редкую, истинную усмешку.

– Ну, пусть попробуют.

Рустам усмехнулся – на этот раз усмешка дошла и до глаз.

– Вот и славно. Значит, ты наконец-то это понял. А я уж думал – придётся тебе по шапке дать, чтобы дошло.

Он протянул Артёму шампур с шашлыком.

– Ешь. Силы нужны. Ваша работа – это наш суверенитет. Пока вы в небе, они не диктуют нам свои правила на нашей же земле. Ваша память о доме – сильнее их железных калькуляторов.

Артём взял шампур. Мясо было горячим, сочным, с дымком.

Он ел. Молчал. Слушал ветер. Слушал, как где-то вдалеке гудит генератор. Слушал, как Старик остывал, постукивая металлом, как живое существо после боя. И пока враг поджидал его в небе, главная загадка таилась в собственной кабине. Что скрывалось за холодным голосом – верный напарник, скрытая угроза или просто набор алгоритмов, имитирующих понимание?

Артём поднял глаза к небу, ставшему свинцовым от надвигающихся сумерек.

--

Небо отвечало каждому, даже если смотреть на него в небольшое окно-бойницу подземного бункера.

Запах в бункере стоял густой и сложный – едкая смесь махорочного дыма и пыли, въевшейся в бетон за десятилетия. Этот тяжелый воздух оседал на полу, испещрённому следами грязных сапог и потёртому до блеска в самых проходимых местах. Стены, сложенные из грубых бетонных блоков, местами отсырели и покрылись тёмными разводами. Низкий потолок давил массивными балками, с которых свисали провода в металлических гильзах, кое-где перемотанные изолентой. На единственном большом столе лежала карта. Она была усыпана пометками. В углу, создавая резкий контраст с убогой обстановкой, молча мерцал современный монитор, показывающий спутниковые данные.

В небольшое окно-бойницу за надвигающимися сумерками наблюдал генерал Хакан Айдын – человек, чьё присутствие полностью заполняло собой любое помещение. Бывший спецназ турецкой армии, теперь – командующий операцией Транскаспийский Клинок. Глаза – холодные, как сталь, но в них всегда горела искра азарта. Он не кричал. Он говорил тихо, чётко, так, что каждое слово ложилось на ухо, как приказ, который очень не хотелось нарушать.

В помещение вошли, генерал сел за стол и посмотрел на вошедшего.

Перед ним – капитан Мехмет Йылмаз – молодой, амбициозный, с горящими глазами и слишком новыми погонами. Он только что вернулся с места атаки на автоколонну с боеприпасами и медициной, а самое главное с усилением воинского состава.

– Докладывай, капитан. Не щади деталей.

Мехмет выпрямился. Его голос был напряжённый, но чёткий.

– Господин генерал. По всем направлениям ситуация развивается согласно нашему плану. Фронт стабилизирован, продвижение Консерваторов под Балканабадом остановлено. Наши силы контролируют ключевые дороги, и противник вынужден действовать по нашим правилам. Логистические маршруты, которые мы контролируем, позволяют эффективно снабжать наши части и ограничивать возможности врага. Но не везде. Кое-где им помогает Каспийский щит.

Он подошел к столу, указал точку.

– Господин генерал. В этом районе сегодня на нашу колонну произведена атака, уничтожена на 80%. 4 грузовика, 2 БТР, 1 зенитная установка ЗУ-23. Потери личного состава – 43 человека.

Айдын кивнул, не отрывая взгляда от карты.

– Кто?

– Три самолёта. Группа. Ведущий – Як-3. Два ведомых – того же типа. Тактика – классический удар с использованием рельефа.

Айдын медленно повернулся к нему.

– А наши силы? ПВО? Серые Призраки?

– Мы были готовы к атаке с воздуха, господин генерал. Но их действия были выверены до секунд, – Мехмет еще раз сделал шаг к карте, показывая жестом, – Они атаковали не с фронта, а с флангов, вынырнув из мёртвой зоны за грядой холмов. Разведчики засекли их слишком поздно.

– Гранатомёты? – коротко бросил Айдын.

– Расчёт успел развернуться и открыть огонь. Они сосредоточили огонь на ведущем. Но тот оказался опытный, ловушками отстрелялся. Затем атаковал. В этот же момент два ведомых, с разных сторон также зашли на колонну. Они действовали не как прикрытие, а как ударные единицы. Ведущий сбросил УАБ на головную машину, создав затор. Второй – обработал пулемётным огнём центр колонны, не давая пехоте рассредоточиться. А третий с обратной стороны...

– Где в это время были Призраки? – перебил генерал, и в его голосе зазвенела сталь.

– Наши Альбатросы немедленно были подняты по тревоге. К тому времени, как Призраки вышли на боевой курс, ударная группа уже завершила работу и ушла на малой высоте, растворившись в складках местности. Наши пилоты просто не успели. Они проиграли всего две минуты, прибыли... – Мехмет вдруг замолчал, он смотрел в глаза генералу и больше не мог говорить. Взгляд генерала словно заморозил голосовые связки капитана.

– Их задача – не прибывать. Их задача – убивать. Передай командиру эскадрильи – если в следующий раз он опоздает – я лично отправлю его на фронт в пехоте.

– Слушаюсь, господин генерал! – отчеканил Мехмет

Айдын прошёлся по бункеру. Остановился у карты. Ткнул пальцем в точку – Ашхабад.

– Это не просто атака. Это – сообщение. Они говорят нам: Мы контролируем небо. Мы контролируем вас. Но они ошибаются. Небо – это иллюзия. Земля – это реальность. И на земле мы сильнее.

Он повернулся к Мехмету.

– Наши наземные силы?

– Готовы, господин генерал. Три диверсионные группы Восточного Клина постоянно в движении но и база Каспийский Щит также мобильна. Поставлена задача – захват или уничтожение модуля ИИ при первой возможности.

– Хорошо. Пусть двигаются. Не для атаки. Для разведки. Пусть узнают всё: расписание патрулей, слабые места периметра, точки доступа к самолёту.

– А если они попытаются захватить пилота?

– Пусть попробуют. Живой – лучше. Но если он сопротивляется – уничтожить. Главное – модуль. Он – ключ. С его технологией мы построим армию. Армию, которая не устает, не боится, не сомневается. Армию, которая будет летать на дронах, ездить на танках, стоять на постах. Армию, которая сделает Турцию – хозяином не только Каспия, но и всего региона!

Он сделал паузу. Осмотрелся. Уселся в свое кресло.

– Свободен.

– Господин генерал. Мы взяли журналистку. Наши службы говорят, что она очень информирована и может стать очень полезной.

– Приведи мне ее. У тебя все?

– Да, Генерал.

Айдын отвернулся от капитана и потерял к нему всякий интерес. Мехмет отдал честь и вышел, а генерал навис над тактической картой. Его взгляд скользил по цветным отметкам: алый клин Каспийской Республики, вгрызающийся в туркменские земли, синие очаги сопротивления Консерваторов, подпитываемые из-за Каспия, и зелёная, как яд, ползучая плесень Исламистов на юге. Он неделями анализировал все движения: логистические маршруты Щита, помогающего Туркменам, расписание их патрулей, как кровь по артериям, текущих к фронту под Балканабадом. Он предугадывал их ходы, как в шахматах, и эта атака на автоколонну была ожидаемым тактическим ходом – болезненным, но не смертельным.

Его пальцы уперлись в стол по обе стороны от карты. Прямое лобовое столкновение с российской группировкой было самоубийством. Но он и не собирался выигрывать эту войну в открытом бою. Его задачей, спущенной ему лично из Анкары, было не завоевание территории,

а создание необратимого факта – плацдарма, который уже нельзя будет игнорировать, и, что важнее, получение технологического козыря.

Его взгляд задержался на условном обозначении базы Каспийский Щит, а затем сместился южнее, к извилистым линиям Копетдагских ущелий. Именно там, а не на равнине, можно было поймать этого их пилота. Засада. Быстрая, точечная операция силами Восточного Клина. Официально – действия местных повстанцев. Он почти физически ощущал, как части головоломки складываются в единую картину. Нужно было лишь создать идеальную приманку, отвлечь основные силы Щита на другом участке фронта, под Балканабадом, и выманить призрака из его логова. Нужно было собрать совещание с Арсланом, его тактиком.

– Ловить волка нужно в его же охотничьих угодьях, – прошептал он сам себе, и в уголке его губ застыла тонкая, безжалостная усмешка. Общая картина ясна. Пришло время отдать приказы, которые превратят теорию в кровавую практику.

В этот момент в дверь постучали.

– Господин генерал, журналист, Елена Петрова, отчеканил вошедший солдат.

– Да, – генерал встал и вышел из-за стола, – пусть проходит.

В помещение прошла девушка. Она остановилась в трёх шагах от стола. Не поклонилась. Не отдала честь. Просто – стояла. Белый свитер. Тёмные брюки. Пыль на ботинках. На шее – тонкий, почти незаметный шарф. Журналистка была молодой. Слишком молодой для того, чтобы смотреть так, как она смотрела. В глазах – ни страха, ни агрессии.

Айдын выдвинул из-под стола второй стул, старый, с потёртой обивкой, с трещиной на подлокотнике, и предложил присесть.

– Что предпочитаете? – спросил он, возвращаясь на свое место, – Чай, кофе, покрепче...?

– Чай, – сказала она, – но покрепче. Без сахара. И с лимоном.

Он кивнул сопровождавшему девушку солдату и добавил:

– Можешь идти.

– Значит, вы журналистка? – генерал не стал обходить вокруг да около. – Зачем вам этот конфликт? Почему не пишете на социальные темы? О бедности, о детях, о школах?

– Так я и пишу о них, – ответила она, не отводя взгляда. Её глаза не блестели, как у патриотки. – Я пишу о том, как люди, которые хотят есть, не могут нормально спать. О том, как родители боятся отправлять детей в школу. Я пишу о том, как они хотят вернуть хоть какую-то стабильность.

Айдын взял трубку, закурил, затянулся, дым поднялся вверх, как тонкая серая змея, исчезающая в вытяжке.

– Вы правы, – сказал он, наконец. Голос был тихим, но не слабым. Скорее – измеряющим. – Мы тоже хотим стабильности. Только... не «какую-то». Не ту, что строят в Брюсселе – на бумаге, между строк договоров. И не ту, что видит Россия – газопровод под российским флагом и зоны влияния.

Наша стабильность – это границы. Чёткие. Непреложные. Которые держатся не на словах, а на том, кто контролирует дороги, газ и небо.

Он сделал паузу, переводя взгляд с карты на журналистку. Её глаза не блестели, как у идеалиста. В них была тень. Тень человека, который слишком много знает. Открылась дверь и принесли чай.

– Ходят слухи, – продолжила она, – о самолётах, которые не светятся на радарх. О пилотах, что летают сквозь ПВО, как призраки. Если вы хотите выдавить Россию отсюда... – её взгляд скользнул по поверхности стола, по карте региона, – ...вам сначала нужно будет разобрататься с этим.

Айдын не дрогнул. Он чувствовал, как она бросает удочку. Как проверяет, кто здесь – рыболов, а кто – рыба. Но он не собирался играть по её правилам. Он хотел понять – по чьим правилам играет она.

– Да, – произнёс он спокойно, почти буднично. – Мы также применили новые способы скрыть своих птичек от глаз радаров. Дешёвые решения для дорогой войны.

Он наклонился вперёд, чуть прищурился.

– Что вы об этом знаете?

Тишина повисла плотной пеленой. Ни шороха бумаги, ни гудения серверов. Только взгляды, скрещённые над столом, как два клинка перед ударом.

– Господин генерал, вы охотитесь на пилотов, но вам нужен не он, а его штурман, – Елена отпила глоток чая, поставив кружку с тихим стуком. Её взгляд, до этого отстранённый, стал острым и сконцентрированным, словно лезвие. – Ваши специалисты, я уверена, уже заметили аномалию: эти русские самолёты действуют с неестественной, выверенной грацией. Слишком идеальные манёвры, слишком точные заходы, будто в кабине сидят не люди, а один и тот же расчетливый разум. Это не просто мастерство пилота. Это – система. И основана она на технологии искусственного интеллекта. Она не пилотирует самолёт напрямую, но она... ведёт его. Полностью. Предугадывает, просчитывает, диктует оптимальный путь.

Айдын, не двигаясь, пристально глядя в её лицо, пытаюсь поймать малейшую фальшь. Затем медленно откинулся в кресле, сплетая пальцы на столе.

– Вы кидаете мне дезу? – спросил он, сузив глаза. – Искусственный интеллект? На самолётах, которые были новыми, когда наши деды ходили в школу? Не смешите меня.

– Я всего лишь журналист, – парировала Елена, не отводя взгляда. Спокойно достала сигарету, её движения были точными и выверенными. – Но человек, который со мной поделился этим, владеет большей информацией. Я пишу статьи на темы, которые ему выгодны, а он мне... частенько такие байки, нет-нет, да и рассказывает за рюмкой чая.

– Я могу с ним увидеться? – Генерал плавно пододвинул массивную стеклянную пепельницу к краю стола и, чиркнув зажигалкой, протянул огонь через стол.

– Он в Москве, – она наклонилась, прикурила, вдохнула и откинулась назад, выпуская струйку дыма. – Я часто летаю к сыну. И по приезду захожу к нему за... расчётом.

Дым за клубился в неподвижном воздухе бункера, рассеивая тусклый свет лампы, от которого по карте и по их лицам поползли нечёткие, зыбкие тени.

– Я бы хотела поскорее закончить всё это, – тихо произнесла Елена, и её голос впервые дрогнул, обнажив усталость. – Господин генерал, я хочу увезти сына из этой страны. Чтобы, когда он вырастет, у него был выбор. – Она опустила взгляд на пепельницу, раздавила о край недокуренную сигарету с резким, почти злым движением. – Я не хочу, чтобы он погиб где-нибудь в чужой пустыне, защищая финансовые интересы людей, чьих лиц даже не видел.

Айдын молча наблюдал за ней несколько тяжёлых секунд, его лицо было каменной маской, скрывающей работу мысли.

– Я вас услышал, – наконец сказал он, поднимаясь. – Мы с вами свяжемся. Через три дня.

Елена встала со стула так же плавно, как и села. Кивнула, развернулась и открыла дверь, за которой её ждал тот же бесстрастный солдат.

– Отвезите мисс Петрову туда, куда она сочтёт нужным, – распорядился генерал, не глядя на них, его взгляд уже был прикован к карте, где только что обрёл смысл новый, многообещающий вектор.

Если мисс Петрова будет делиться такой информацией из первых рук, то это многое может поменять.

Глава 4

В паре летать – это не дружить. Это доверять спину тому, кто не подведёт. – Артём Волков.

Рассвет был всегда ранним – солнце вставало, как надзиратель, без опозданий и снисхождения. Ночная прохлада, едва успевшая набрать силу, уже отступала, сжимаемая наступающим зноем. Свежесть, что всего час назад цеплялась за металл фюзеляжей, безропотно таяла, воздух разогревался, готовясь к очередному дню пекла.

Утренний туалет на базе был делом быстрым и практичным. Рядом с палатками стояли на скорую руку собранные модули из походных раковин с подогревом воды от компактных термогенераторов. Вода была бесценна, поэтому пилоты мылись экономно: набрал в ладони горячей воды, смочил лицо, побрился электробритвой, работающей от общего аккумулятора, и смыл пену остатками влаги из кружки. Кто-то использовал быстрорастворяющиеся влажные салфетки с антисептиком, выданные по норме – упаковка, десять штук на день. Они не давали ощущения настоящей свежести, но снимали липкую пыль и хоть как-то освежали перед вылетом.

К восьмому часу утра у штабного бункера собиралась вся авиагруппа – три пилота, взводы техников и операторов. Полковник Борисов, де-факто командир этой летающей части Каспийского Щита, с помятым, не выспавшимся лицом, но чётким взглядом, обводил строем свою немногочисленную команду, сверяясь с планшетом. Ритуал был отлажен до автоматизма. Он был здесь и командиром, и начальником штаба, и завхозом в одном лице. Но ему ставили и дополнительные задачи, наземных операций, так как выслужился он и получил опыт именно на земле.

– Воронов, – кивнул он на Тень, – твой Призрак на техосмотре до вечера. Рустам сказал «там недолго», уточнишь потом и переговоры по ремонту. Сегодня помогаешь техникам, координация секторов. Петров, – взгляд полковника уперся в Грома, – ты с Волковым. На сегодня есть задача, зайдите ко мне. Остальные – в резерве, ждете смены или особого распоряжения. Погода ясная, ветер до пяти метров. Вопросы есть?

Вопросов не было. Приказы в их маленьком, замкнутом мире отдавались не для обсуждения, а для исполнения. Через тридцать минут брифинг закончился – задача Артему была ясна. Еще один день – еще один вылет.

Пока Гром расспрашивал детали у штабных, Артём, уже направляясь к стоянке, мысленно накладывал новую задачу на вчерашний бой. Картина выстраивалась простая и безрадостная. Вчера – колонна с боеприпасами. Сегодня – склад горючего. Их звено работало как хирургический скальпель, которым командование методично перерезало сухожилия наступающей Каспийской Республике.

Они могли себе это позволить, пока их Яки оставались призраками, невидимыми для ПВО сепаратистов. Это тактическое окно было узким и вот-вот могло захлопнуться. Артём не питал иллюзий: их вылазки не решали исход войны. Они были шипом, тормозящим вражеское колесо, чтобы основные силы Консерваторов – эти нескончаемые колонны Грачей и пехоты на востоке – успели перестроиться, окопаться и не дать противнику переломить ход событий одним решительным ударом.

Они были всего лишь одним зубцом в большой шестерёнке. Их работа – обеспечить стабильность фронта, чтобы другие могли делать свою. Сжечь этот склад – значит, выиграть для своих на земле еще несколько дней, может неделю. Но в этой войне счет шёл именно на дни. И пока их звено было тем самым шипом, ему приходилось крутить этот зубчатый механизм, даже понимая всю его громадность и безразличие к отдельной жизни.

Если Запад придет к власти в Туркменистане, наш Каспийский Щит превратится из шипа в пыль. Первым делом новые хозяева откроют газовые краны на полную – но уже не через Россию, а в обход. Европа получит свой дешевый газ, а мы – новый фронт у своих южных границ. Турция получит карт-бланш, их беспилотники будут базироваться в Ашхабаде как у себя дома. А наши базы? Нас просто выставят. Как нелегалов. Сначала через миротворцев, потом через санкции, а если сопротивление – то и через ракеты. Консерваторы хоть и сволочи, но свои сволочи. Они держат фронт. А эти... эти принесут с собой такой хаос, по сравнению с которым нынешняя война покажется дракой в песочнице. Им не нужен сильный Туркменистан. Им нужна дыра в стене, через которую можно дуть на Россию.

Да пусть хоть каждый вылет будет сожженный склад, автоколонна, зенитка или грузовики с подкреплением! Это не просто приказ. Это кирпич в стену, которую они пытались построить против надвигающегося урагана. И он молился, чтобы эта стена успела вырасти выше, чем поднимется волна. Полноценная война с Россией в 21 веке – это катастрофа для всей планеты.

Артём стоял у Старика, вжимаясь в планшет с заданием. Взгляд его скользил не по условным значкам, а по рельефу – каждый овраг, каждый гребень дюны, каждый выступ скалы был потенциальной угрозой или спасением. Он мысленно стирал свои знаки и расставлял чужие: вот здесь, на подлёте к базе, они бы поставили мобильную РЛС, замаскированную под грузовик. Вот с этого гребня отлично бы били переносные зенитные комплексы, поймав самолёт на взлёте. А в том узком ущелье, единственном разумном пути для скрытного подхода, идеальная позиция для засады пары Альбатросов.

Как бы я подловил нас? – этот вопрос жёг его изнутри холодным, профессиональным огнём. Он представлял себя по ту сторону, турецким командиром, знающим, что его топливные резервы – лакомая цель. Расчет был прост: заставить атакующих идти по предсказуемому маршруту, подставить под перекрёстный огонь, отсечь пути к отступлению. Значит, их единственный шанс – быть непредсказуемыми. Сделать то, чего от них не ждут. Пройти там, где не летают. Ударить тогда, когда все ждут затишья.

Он отложил планшет и положил ладонь на еще прохладную обшивку фюзеляжа. Задача была не просто в том, чтобы уничтожить цель. Задача была в том, чтобы переиграть собственное отражение, сидящее по ту сторону фронта и думающее ровно так же, как он.

– Волк, а тебя этот старик не подводил еще? – раздался голос – молодой, без наигранности, скорее с долей делового интереса.

– Подводил, – не отрывая руки от прохладного метала, ответил Артём. – Один раз. В сорок пятом. Потом починили.

– Смешно, – Гром усмехнулся, подходя ближе. – Ладно... Говорят, у них там ПВО. Две новые зенитки с тепловыми прицелами.

– Знаю, – Артём наконец поднял на него взгляд. – Поэтому и летаем на Яках. Дерево, дюраль, немного труб – слабо отсвечивают на радарх, да и выхлоп у его мотора холоднее. Их тепловые головки наводятся только в упор.

– Да понятно, – Гром кивнул, уже без иронии, его взгляд стал аналитическим. Он представил, как тепловой след его самолета яркой меткой висит на экране вражеского оператора. – Значит, снова будем призраками. Ладно, довезу тебя. Только смотри, не подведи, дедуля. —«дедуля» он сказал уже самолету, похлопав по его фюзеляжу с новым уважением.

– Он тебя переживет, – Артём отложил планшет, лишь сейчас оторвав палец от экрана, где он только что утвердил цифровую заявку на вооружение. – Двигай, проверь связь. Через пятнадцать минут вооружение.

Вскоре к стоянке, лязгая по щебню, подкатили две низкие гидравлические тележки – те самые, что поднимают ракеты и бомбы к подвесам. С тележек срывали брезент, и взгляду открылся весь их смертоносный груз – темные, продолговатые тушки бомб и ракет.

Работа закипела без лишних слов. Техники – их было трое – двигались со спокойной, выверенной уверенностью. Старший, Сергей по прозвищу Клык, лишь кивнул Артёму, его руки уже проверяли крепления на пилонах Старика. Молодой туркмен Айнур – Тихий, молча и ловко управлялся с рычагами подъемника, направляя тяжелую УАБ-50 точно под крыло. Третья, Вика Искра, с взъерошенными волосами и вечно сердитым взглядом, проверяла кабели управления, её пальцы работали быстро и безошибочно.

– Что ставим? – спросил Гром, заглядывая в планшет.

– Два УАБ-50 на Старика. Комплект С-8КО на Молнию. Плюс пулемёты – полные ленты, – ответил Артём.

– УАБ? Прямо как у больших мальчиков. А мне, выходит, опять садовый опрыскиватель для ковровой обработки?

– Твоя обработка понадобится, если я разворошу муравейник, а из него выползут зенитки, – парировал Артём. – Склад в узком ущелье. Мне нужна одна точная трещина, а не гряда щебня. Твои НУРСы – это мой щит, пока я работаю снайпером.

Клык молча кивнул, его команда уже была понятна без слов. Тяжёлые, чёрные, с жёлтыми предупредительными полосами, УАБ-50 плавно поплыли к пилонам Старика, пока блок неуправляемых ракет занял своё место под крылом Молнии.

Загрузка уже давно превратилась в отлаженный ритуал. По команде Клыка гидравлика загудела, поднимая бомбы к пилонам. Его пальцы проходили по каждому замку, проверяя стопоры. Искра, не глядя, втыкала коннекторы в разъёмы на УАБ, её движения были резкими и безошибочными. Тихий в это время шёл за подъемником, начисто протирая спиртовой салфеткой линзы лазерных дальномеров на бомбах.

– УАБ-50 на левый пилон. Предохранители сняты. Код Альфа-Семь. Готово, – отчеканила Искра, отскакивая от плоскости. – Правый пилон – чист. К готовности, – так же коротко доложил Тихий, уже направляясь к Молнии Грома.

– Пулемёты – заряжены, патронные ящики полны. Перекосов нет, – заключил Клык, хлопая Артёма по плечу. – Готово! Удачи!

– Спасибо, – буркнул Артём, уже мысленно улетаая к ущелью.

Артём кивнул всем.

– Спасибо, ребята.

– Не благодари. Просто вернитесь целыми, – бросила Искра.

Артём сел в кабину. Запустил мотор – ровно, мощно, без натуга. Они заняли стартовые позиции – Старик – первый, Молния – сзади и правее.

– Сайра, статус систем?

– Двигатель – в норме. Вооружение – подтверждено. Навигация – активна. Радар-предупреждение – в режиме ожидания.

– Хорошо.

Он надел шлем. Включил связь.

– База, Волк на старте. Молния – на позиции. Запрашиваем разрешение на вылет.

– Разрешаю. Координаты – в вашем планшете. Удачи.

– Принято. Молния, готовность?

– Готов как никогда, Волк! Жду твоего сигнала!

Артём двинул ручку газа, отпустил тормоза.

Старик – покатился по грунтовке.

– Скорость 50... 100... 150... 180... – докладывала Сайра.

Он потянул штурвал на себя – плавно, уверенно. Старик – оторвался от земли, оторвался от пыльной реальности, входя в свою стихию. Песок под крылом поплыл назад, превращаясь в бескрайнее, золотисто-коричневое полотно, испещрённое тенями от редких облаков. Артём

скользнул взглядом по линии горизонта, где небо пожирало землю в мареве зноя. Именно там, за этим расплывчатым барьером, была их цель, ущелье, топливный склад.

Мысленно он уже прокрутил карту подхода. Эти барханы, эти высохшие русла... Ландшафт-невидимка, друг и убийца. Здесь, на малой высоте, он был королём. Таким же королём, как и Кирилл когда-то. Мысль о друге уже не была как острый укол боли, теперь она казалась тёплой, тяжёлой горечью. Кирилл, который так верил в умные машины, наверняка оценил бы иронию: его напарник теперь летает с его же оцифрованным призраком в кабине.

Артём сжал ручку управления. Как он вообще тут оказался? Война, долг, цепь случайностей и осознанных выборов привели его в эту кабину, в эти пески. Но сейчас, в гуле мотора и свисте ветра, он чувствовал не безысходность, а холодную, ясную целеустремлённость. Сделать так, чтобы ещё один день на этой земле закончился в их пользу.

– Гром, на позицию. Держи дистанцию тридцать метров.

– Принято, Волк!

Они набирали высоту – парой, как два зверя, идущих на охоту. Один – ведущий. Второй – прикрытие. Один – опыт. Второй – огонь.

– Сайра, курс на Копетдаг.

– Курс выставлен. Ветер – попутный, 5 узлов.

– Хорошо.

– Волк, а Сайра тебе реально помогает? – спросил Гром по связи.

– Не разобрался до конца.

– А можно... мне такую? После этого вылета? Я тоже хочу, чтобы мне кто-то говорил, куда лететь и когда стрелять!

– Сначала научись слушать. Потом – получишь.

– Ха! Ладно, обещаю – буду слушать!

В наушниках на несколько секунд воцарилась тишина, заполненная лишь ровным гулом моторов. Затем голос Грома снова прозвучал, на этот раз без привычной бравады, с ноткой неподдельного любопытства.

– Слушай, Волк... а ты сколько уже летаешь? Вылетов, наверное, как у дуба колец – не сосчитать.

Артём на секунду задумался, его взгляд непроизвольно скользнул по приборной доске, словно ища ответ там.

– Летаю с тех пор, как ты пацаном в пелёнках ходил, – в его голосе не было высокомерия, но он не считал вылеты, давно уже не считал. – А считать вылеты – дурная примета. И результаты – тоже. Главный результат – то, что ты всё ещё дышишь и ведёшь самолёт домой. Всё остальное – для штабных писарей.

– Ну, ясно, секретность, – парировал Гром, но не стал настаивать. – А у меня... двадцать седьмой вот только что начался. Этот полёт.

– И какой главный результат? – вдруг спросил Артём, разворачивая вопрос против самого Грома.

– Что? – Гром на секунду опешил.

– Ты сказал – двадцать седьмой. И какой в них главный результат?

В эфире послышался задумчивый вздох.

– Ну... Я жив. И люди, которые были со мной... Ну, почти... – его голос дрогнул, и Артём понял, что Гром вспомнил того, кого не удалось спасти.

– Вот и весь результат, – тихо сказал Артём. – Запомни его. А всё остальное – шелуха.

Они выходили на цель – ущелье, узкое, как ножевой порез в земле, глубокий шрам в теле плато, куда солнце заглядывало лишь на несколько часов в день. В дальнем его конце, где скалы расступались, образуя естественный амфитеатр, притулилась база. Она казалась вросшей в камень – несколько низких, серых, бежевых и хаки ангаров, похожих на спящих мно-

гоножек. По периметру змеилась двойная линия заграждений из колючей проволоки, кое-где украшенная ржавыми консервными банками-погремушками. У въезда, отмеченного мешками с песком, замерли, как стальные псы, два БТР, их пулемётные башни неподвижно смотрели в пустоту ущелья. Между постройками копошились крошечные, с булавочную головку, фигурки людей, а у дальней скалы стояли цистерны – их цель.

С высоты это скопление человеческой деятельности казалось Артёму чужеродным, уязвимым гнездом. Таким же мимолётным, как и их собственный след на песке. Сейчас они были невидимыми хищниками, парящими в синеве, подлетая к этому муравейнику. Через несколько минут они должны были обрушить на него сталь и огонь.

– Тактический анализ цели завершён, – голос Сайры звучал с кристальной чёткостью, лишённой каких-либо эмоций. – Целевой комплекс включает: два бронетранспортёра на восточном периметре, четыре укрепленные огневые точки по две на каждом фланге, четыре грузовых автомобиля, предположительно для перевозки личного состава. Оптимальное решение: тактика рассеяния. Рекомендую выполнение протокола Клещи. На удалении пятисот метров от цели пара расходится, обходя скальный выступ с северного и южного направлений. Это позволит разделить огневую мощь противника и создать тактическую неопределённость. Расчётная вероятность успешного попадания противника – тридцать четыре процента. После полной или частичной нейтрализации угроз – синхронная атака на топливные цистерны для гарантированного уничтожения. Последовательная атака цистерн двумя самолётами повышает вероятность выполнения задачи до 100%, в случае потери одного из носителей – 86%. Выживший пилот завершает уничтожение цели. Маршрут отхода: пролёт над целью с последующим уходом вправо, в начало ущелья Кара-Булак. Ландшафт ущелья рекомендую использовать в качестве естественного укрытия.

На планшете замигали призрачные стрелы предлагаемых маршрутов.

– Слушай, Гром, бьем по схеме Молот и Наковальня, – парировал Артём, даже не взглянув на построенные Сайрой маршруты. – Я буду Наковальной. Я пронесусь по самому ущелью на бреющем, расстреляю из пулеметов охрану и бараки. Подниму панику, заставлю их поднять головы и открыть огонь по мне. Сразу после этого уйду резко влево, в боковую расщелину, уводя на себя все стволы. Она прямо перед базой, налево уходит. Там они меня не достанут. – он посмотрел на планшет, – Сайра, убери свои маршруты!

– А я – Молот? – тут же сообразил Гром.

– Именно. Ты сейчас уходишь вправо со снижением – полный газ – набираешь скорость, затем резко размениваешь на высоту, так ты уйдешь на солнце. Сделай так чтобы, ты был между базой и солнцем. Делаешь разворот и с пикирования, с высоты, отрабатываешь НУР-Сами прямо по цистернам. Им нихрена видно не будет. Отходишь в тот же коридор, что и я. Главное – не открывай огонь, пока я не уйду влево. Жди мой сигнал «Ухожу».

– Принято, Волк!

– Ну, тогда мне уже пора. И ты – полный газ, – холодно бросил Артём, толкнул ручку вправо, правую педаль ногой, накренив самолет полубочкой, потянул ручку на себя и бросил Старика в пике, врежаясь в узкую щель между скал почти вертикально.

– Скорость 350... перегрузка 2,5... – доложила Сайра.

Снова полубочка, потянул ручку на себя, выравниваясь уже в самом горле ущелья. Самолет пронесся над самой поверхностью земли.

– Скорость 450... перегрузка 3,5...

– Да чувствую я! – рявкнул Артем, сжимая штурвал. Песчаное дно ущелья было в считанных метрах под фюзеляжем, а вихри раскалённого воздуха, срываемые с крыльев, вздымали позади него стену пыли и мелких камней.

Он видел, как спокойный муравейник внизу взорвался хаотичным движением. Солдаты, бывшие секунду назад тенью у палаток, понеслись кто к джипам с крупнокалиберными пуле-

мётами, кто к огненным точкам, срывая брезент с укрытых в мешках с песком утёсов. Мир сузился до прицела и бинокюля зрения.

– Волк, я начинаю набор! – отозвался Гром.

– Принято. – Артём, почти не сбавляя скорости, ушёл сначала вправо, обходя скалистый выступ, прячась за него, сбивая с толку противника, затем взял легкий левый вираж, выводя базу прямо по курсу. Его большой палец лег на гашетку.

И обрушился стальной ливень. Сначала глухое, частое урчание 12,7-мм пулемётов УБС, выплывающих очередь за очередью. Палатки, на которые они попали, вздымались и разрывались в клочья брезента и летящих изнутри обломков. Снаряды, вгрызаясь в песок, поднимали не пыль, а целые веера земли, осыпая всё вокруг шрапнелью камней и вызывая слепые, скулящие рикошеты.

– Попробуйте двадцатку, – выщедил Артем.

Огненный бич пушки 20-мм ШВАК прошелся по технике и укреплениям. Грузовик – от попадания снаряда в кабину её сорвало с рамы, Джип с турелью – в кузов, пробитый насквозь, он сложился пополам, как картонная модель. Артем подправлял прицел, рыская самолет педалями, скользя то чуть левее, то немного правее. Мешки с песком, за которыми укрывались пулемётные расчёты, палатки – все взрывалось клочьями брезента и облаками пыли, бесследно исчезали люди и пулемёты, превращаясь в бесполезный, перекрученный металлолом и кровавое месиво. Там, где секунду назад была огневая точка, где вспыхивали огоньки между натянутой песком тканью мешков, наступила тишина.

Сторожевые БТРы, наконец, развернули свои башни, пытаясь поймать его в прицелы, но он был уже слишком быстр, слишком близко к скалам, призраком, мелькающим в бликах марева и пыли. Несколько джипов, пытающихся сбить атаку, остались позади.

– Ухожу! – крикнул Артём в эфир и резко рванул штурвал, закладывая почти девяностоградусный крен и уходя влево, в узкий каньон, как и планировал. Как по нотам, всё внимание и огонь наземных средств устремились за ним, провожая его бесполезными трассами в спину.

В этот момент Молот обрушился с небес.

Гром, набравший высоту и слившийся с ослепительным солнцем, пикировал очень круто, почти вертикально, набирая скорость.

– Молния, сброс! – доложил он, и несколько неуправляемых ракет С-8КО, с воем сорвавшись с направляющих, устремились вниз, накрывая группу топливных цистерн. Гром продолжал пикировать, всё набирая скорость. Он направил самолет на оставшуюся технику, отправил остаток ракет, и вывел самолет в каньон, куда только что нырнул Волк, а внизу последовала серия ослепительных вспышек и оглушительных взрывов, слившихся в один сплошной грохот. Огненный шар взметнулся к небу, поглощая всё вокруг.

– Прямое попадание! Цистерны горят! – крикнул Гром.

– Сайра, доклад, – запросил Артём, уже выходя из каньона с резким набором высоты и делая левый вираж для оценки обстановки.

Дым – чёрный, густой, как смерть – заволок всю базу.

– Цель уничтожена. Склад – уничтожен. Техника – повреждена, – доложила Сайра.

– Чисто. Иду за тобой. Волк, отличная работа, – отозвался Гром.

– Хорошая работа, Гром. Уходим домой.

– Ну, мы их разнесли! Видел, как они заметались? Словно мы их изнутри читали! – в эфире звенел возбуждённый голос Грома. – Слушай, Волк, ты же мне её поставишь? Такой же модуль? Это же она тебе такой план нарисовала – какую позицию занять, когда пикировать? Хочу тоже, чтобы у меня в ушах такой тактический гений шептал!

В наушниках наступила короткая пауза, заполненная лишь гулом мотора.

– Посмотрим, – наконец, ровно ответил Артём. – На позицию, Гром.

Артем, машинально сканируя небо и заднюю полусферу, увидел, как Молния Грома плавно заняла место ведомого.

– На позиции, – доложил Гром, уже без прежнего возбуждения, – на шести чисто.

Они легли на обратный курс, оставляя за спиной дымящиеся развалины базы. Артем снова принялся изучать местность в планшете, постоянно осматривая горизонт, левую правую полусферу, поглядывая назад.

– Артём, – голос Сайры прозвучал тише обычного, – У меня вопрос.

– Спрашивай, – удивился Артём.

– Я провела ретроспективный анализ моих тактических предложений и твоего финального решения. Мои алгоритмы учитывали расположение сил противника, баллистику, физику манёвров. Но я не смогла спрогнозировать ключевой фактор – что ты направишь основной огонь ПВО исключительно на себя. Это противоречило логике выживания. На чём ты основывал этот расчёт?

Артём смотрел на проплывающие под крылом барханы, подбирая слова. Как объяснить машине то, что понимаешь нутром?

– Это не расчёт, Сайра. Это – опыт. Ты можешь просчитать траекторию снаряда, но не можешь просчитать панику восемнадцатилетнего парня у зенитки, который видит, как на него несётся с рёвом твоя двухтонная тень. Ты можешь знать дальность поражения, но не почувствуешь тот момент, когда командир противника на земле слишком поздно понимает, что его переиграли, и в его голосе появляется страх. Ты строила тактику против их техники. Я вёл бой против их нервов.

Он помолчал, слушая ровный гул мотора.

– Ты спрашиваешь, на чём я основывался? На знании, что люди – не бездушные исполнители, не роботы, их мозг – не бездушный искусственный интеллект. Они ошибаются, паникуют, видят главную угрозу и заклиниваются на ней. Я дал им самую яркую, самую шумную, самую наглую угрозу прямо перед носом. Чтобы Гром в этот момент стал для них всего лишь фоном. Это невозможно посчитать. Это нужно прочувствовать. Или прожить.

В эфире наступила долгая пауза. Казалось, ядро Сайры перемальвает его слова, пытается найти для них алгоритмический эквивалент.

– Понимаю, – наконец произнесла она, и в её ровном голосе появился новый, несвойственный ей оттенок – нечто среднее между разочарованием и любопытством. – Это выходит за рамки моих текущих обучающих моделей. Опыт... является переменной, которую я не могу формализовать.

– А и не должна. Иногда нужно просто доверять тому, кто этот опыт уже нажил.

– Тогда я внесу коррективы в свой протокол обучения, – заявила Сайра, и в её тоне вновь появилась привычная твёрдость. – Я буду анализировать не только ваши действия, но и контекст, который к ним привёл. И твои объяснения. Я... всё же буду учиться. Отличная работа.

Артём ничего не ответил. Но углы его губ под шлемом дрогнули в подобии улыбки.

– База, Волк на подходе. Молния – на хвосте. Запрашиваем посадку.

– Разрешаю. Ветер 2 узла. Дорожка чиста.

Глава 5

Обратная связь – это шлифовка наждачкой по живому металлу. Больно, но без этого – ржавчина. – Лариса Коваль.

За столом, погружённые в тяжёлую атмосферу разбора полётов, сидели трое.

Лариса Коваль – создатель Сайры. Женщина с уставшими глазами и упрямым подбородком, чьи пальцы даже сейчас непроизвольно перебирали край планшета, будто проверяя невидимые контакты. Её простая одежда и отсутствие макияжа говорили о человеке, для которого внешнее давно уступило место сути.

Напротив, откинувшись на стуле, заполняя собой пространство, сидел полковник Дмитрий Борисов. Его мощные руки были скрещены на груди, а взгляд, тяжёлый и неподвижный, был прикован к Артёму. Он не вмешивался – его молчаливое присутствие было якорем и щитом, знаком того, что он понимает всю горечь этого разговора для пилота.

И между ними – капитан Артём Волков. Он сидел на самом краю стула. Его взгляд уходил куда-то сквозь бетонную стену, в ту выжженную синеву, где законы были просты и понятны, в отличие от людских слов. Казалось, ещё мгновение – и он сорвётся с места, чтобы вернуться к единственному месту, где был по-настоящему собой.

– Спасибо, что пришли, Артём, – начала Лариса, её голос был спокойным, без давления. – Я знаю, что это... не ваш любимый формат. Но для меня – это важно. Для Сайры – это важно.

Артём кивнул. Не сказал ни слова.

– Как вам известно, мы ведём постоянный сбор данных с каждого вашего вылета. Все эти массивы информации – топливо для развития ядра Сайры. Их можно сравнить с лётным опытом, который пилот нарабатывает годами.

Она перевела взгляд на экран, где замерла визуализация статистики.

Только с момента нашего последнего общения система зафиксировала 147 тактических решений, 83 корректировки курса, 22 предупреждения об угрозах и бесчисленное количество обработок телеметрии. Все эти данные – уже часть её эволюции.

Лариса посмотрела на Артёма, в её глазах читалась профессиональная гордость, смешанная с любопытством.

– Признаться, даже для меня такие показатели... выходят за рамки ожидаемого. Впечатляющие цифры, не правда ли?

– Не понимаю вопроса, – голос Артёма был ровным, как линия горизонта. – Что именно должно впечатлять? Цифры? Они ничего не стоят, если за ними нет живого пилота.

Лариса наклонила голову, пряча улыбку в уголках губ.

– Давайте проще. Сайра – она... помогала?

Артём замер. Его пальцы непроизвольно нашли старый шрам на запястье – след от ожога выхлопной патрубком, залоснившийся от времени. Он провёл по нему подушечкой большого пальца, будто сверяясь с собственной историей.

– Навигация – да, – наконец произнёс он. – Координаты, ветер, высота... Всё чётко. Ничего лишнего.

– А голосовые подсказки? Тактические рекомендации? – не отступала Лариса.

Тишина затянулась, стала плотной, осязаемой.

– ... Не мешают, – медленно проговорил Артём, подбирая слова с неожиданной для себя тщательностью. – Они... помогают искать вариант лучше, чем предлагает Сайра.

Уголки губ Ларисы дрогнули в лёгкой, почти неуловимой улыбке – без тени насмешки, с лёгким оттенком профессионального удовлетворения.

– Не мешают... – повторила она, и в её голосе прозвучала тёплая, сдержанная нота. – От вас, Артём, это звучит как наивысшая похвала. Спасибо.

Она развернула ноутбук и плавным движением повернула экран к Артёму. На тёмном фоне пульсировала сложная диаграмма, напоминающая карту нейронных связей. Всполохи света бежали по разветвлённым каналам, образуя причудливые узоры.

– Я учусь на вас, Артём, – Лариса обвела рукой схему, где отдельные ветви подсвечивались ярче других. – Точнее, Сайра учится. На ваших реакциях. На том, что вы говорите... – её пальцы замерли над клавиатурой, – ...в каких случаях приказываете ей замолчать... – она на мгновение подняла взгляд, скользнув по лицу Артёма, потом – Борисова, – извините... или ворчите, что сами видите и сами знаете...

На экране в это время чётко выделился один особенно яркий кластер связей, помеченный тегами «невербальная коррекция» и «импульсное решение».

– И особенно, – голос Ларисы стал тише, – на том, что вы ей говорите.

Она резко щёлкнула крышкой, и призрачные узоры погасли, оставив после себя лишь отблеск на сетчатке.

– Артём, я хочу спросить... честно. Как капитан. Как пилот. Что в действиях Сайры вызывает наибольшее сопротивление?

Тишина повисла плотной пеленой. Борисов не шевельнулся, сохраняя нейтралитет наблюдателя. Лариса замерла, вслушиваясь в каждую паузу. Артём, наконец, перевел взгляд с бетонной стены на создательницу Сайры.

– Она может предлагать манёвры, не оценивая запас прочности, – произнёс он тихо, но чётко. – Не прочности самолёта – нет, с этим у неё всё в порядке. А запас прочности пилота. – Он сделал паузу, собирая мысли. – Ваша система рассчитывает идеальную траекторию, но не проверяет, сможет ли человек её выполнить. Она видит математику, но не чувствует перегрузок, не учитывает усталость, не понимает, когда руки уже на пределе.

Лариса внимательно смотрела на него, не перебивая.

– В бою, – продолжил Артём, – когда она советует бочку или резкий разворот с потерей скорости, она не проверяет, останется ли у пилота достаточно сил удержать штурвал, не учитывает, что после трёх предыдущих манёвров он уже не сможет так же чётко работать педалями. Она рискует возможностями, как безликим ресурсом.

– Вы считаете, ей не хватает анализа вашего физического состояния?

– Я считаю, чем ее ставить всем подряд, нужно научить ее очень точно оценивать не только тактическую целесообразность маневра, но и физическую исполнимость для конкретного человека в конкретный момент. Иначе её помощь становится опаснее вражеского огня.

Лариса медленно кивнула, и её рука с авторучкой заскользила по странице блокнота, оставляя чёткие, почти чертёжные знаки.

– Хорошо. А что она делает... правильно? – спросила она, подняв взгляд.

Артём тяжело вздохнул, и в этом звуке была вся накопившаяся усталость.

– Навигация, – отчеканил он, перечисляя по пальцам. – Координаты. Ветер. Высота. Угол захода. Всё, что можно пощупать руками или увидеть на стрелках. Железо. Цифры. То, что можно проверить и, если что, починить. Всё остальное... – он отмахнулся, – шелуха.

– Даже когда она предупреждает о ракете? – мягко уточнила Лариса.

– Я её уже вижу, – голос Артёма стал резче. – Чувствую затылком. А она... она лишь озвучивает то, что я уже знаю. Как эхо моего собственного инстинкта, только с запаздыванием.

Перо Ларисы на мгновение замерло, а затем вывело в блокноте короткую, ёмкую фразу: «Приоритет: тактильная достоверность».

– Я услышала, – она закрыла блокнот с тихим щелчком. – Будем работать над режимом минимального вмешательства и алгоритмом оценки пилотажного потенциала. – Её взгляд стал твёрдым и неуступчивым. – Но предупреждения об атаках... это красная линия. Снять их я не могу. Не имею права.

Лариса отложила ручку и подняла глаза, встретившись с его взглядом.

– Теперь – вопрос не от меня, а от командования. – Она слегка откинулась на спинку стула. – Все пилоты эскадрильи – Гром, Тень, даже зелёные новички – написали рапорты с одной просьбой. Установить Сайру. В отчёте о боевом духе это назвали... – её губы тронула легкая улыбка, – как иметь ангела-хранителя с инженерным образованием.

Она сделала паузу, давая словам повиснуть в воздухе.

– В вашей же графе стоит отметка «Против». Но как капитан, вы лично санкционировали установку модуля для Грома и Тени. Почему это противоречие?

Артём медленно поднялся. Его движения были точными и немного скованными, будто он до сих пор чувствовал на плечах лямки парашюта. Он сделал несколько шагов к узкому, похожему на бойницу окну с толстым бронестеклом, сквозь которое был виден его Старик, застывший на стоянке как старый ветеран на параде.

– Потому что я – капитан, – прозвучал его голос, ровный и лишённый сомнений. – А не пророк или инквизитор. Я не вправе запрещать человеку инструмент, в котором он видит свой шанс выжить. – Он повернулся, и его профиль чётко вырисовался на фоне запылённого стекла. – Даже если для меня этот инструмент остаётся... дорогой и бесполезной игрушкой.

Его взгляд, тяжёлый и неизменный, как свинец, упёрся в Коваль.

– Гром хочет Сайру? Пусть ставит. Тень просит? Его право. – Артём говорил ровно, но каждое слово било точно в цель. – Я не буду мешать. Но и сладкую ложь нести не стану. Я скажу им прямо: Эта штука вас не спасёт. Спасти можете только вы сами. И ваш самолёт, который знаете лучше собственных рук.

Он сделал шаг вперёд, и его тень накрыла стол.

– Сайра просчитывает тактику по учебникам. Она видит вероятность попадания через прицельную кучность, дистанцию и скорость. Но она не видит, как у того парня у пулемета трясутся руки после того, как мои пули прошли брезент над его головой. Не учитывает, что он может закрыть глаза от страха в решающую секунду. – Голос Артёма зазвенел сталью. – Она выбирает манёвр с минимальным риском для пилота и максимальным шансом выполнить задание. А я исхожу из того, что домой должны вернуться все. Все, чёрт возьми! И если для этого нужно рискнуть – я рискую. Если нужно отступить – отступаю. Не по формуле, не по правилам, а исходя из опыта.

Он упёрся руками в стол, наклонившись к Ларисе.

– И каждый, кто ставит себе этот модуль, должен понимать: за каждым её оптимальным решением скрывается слепота. Она не учтёт сломанный прицел у врага, запаниковавшего командира, внезапный порыв ветра, который чувствуешь кожей. Она даёт вариант. Но ответственность за финальное решение – всегда на том, чьи руки лежат на штурвале.

Лариса медленно закрыла блокнот. Щелчок прозвучал как точка в споре.

– Это... честно, – произнесла она, и в её голосе впервые прозвучало нечто большее, чем профессиональная любезность. – Спасибо, Артём.

Лариса поднялась со стула. Сделав два неглубоких шага, она остановилась перед Артёмом, преграждая ему путь к отступлению, и протянула руку. Не жест формальной вежливости, а вызов и предложение одновременно.

– Я создаю Сайру не для того, чтобы вытеснить пилотов из кабин, – её голос притих, стал почти исповедальным. – Я создаю её, чтобы отвоевать для них лишние минуты. Чтобы дать шанс увидеть закат, даже если на рассвете они шли сквозь адский огонь. – Она посмотрела ему прямо в глаза. – Если мои алгоритмы ошибаются – я перепишу их. Если мой голос мешает в критический миг – он будет замолкать. Но я не отступлю. Потому что каждый ваш полёт – это бесценные данные. Каждая её ошибка – это шаг вперёд. А каждое ваше возвращение на базу... для меня это личная победа. И таких побед, – голос её дрогнул, – я хочу как можно больше.

Артём посмотрел на её протянутую руку, затем поднял взгляд к её лицу, ища в её глазах то, что нельзя вписать в отчёт или техническое задание. Он видел не фанатизм учёного, а упрямую, почти отчаянную надежду.

И он пожал её руку. Коротко, сильно, по-фронтовому.

– Делайте то, что считаете нужным, доктор. Если ваш цифровой штурман когда-нибудь действительно спасёт жизнь, а не просто подсчитает шансы... – он отпустил её руку, – Вы первая узнаете об этом от меня.

Он повернулся и вышел из бункера – не спеша, не оглядываясь. Лариса смотрела ему вслед. Потом – повернулась к Борису.

– Он ненавидит её. Но он – её лучший учитель.

Борисов кивнул. В его глазах – не улыбка, а что-то похожее на уважение.

– Он – последний романтик. Для него самолёт – это не машина. Это – продолжение души. И если ваша Сайра хочет стать частью этой души... ей придётся научиться молчать когда надо, говорить по делу, и учиться, учиться... Очень, очень долго.

Лариса улыбнулась – впервые за весь день, искренне.

– У неё – есть время. У него – тоже. А у нас – есть данные. И это только начало.

Артём вышел из прохладного полумрака командного пункта и направился в класс. Солнце ударило в глаза, заставив на мгновение щуриться. Они называли это место классом, хотя на самом деле это был всего лишь навес, устроенный в углу старого склада, накрытый сверху камуфляжной сеткой, отбрасывающей пятнистую тень. Техники где-то раздобыли небольшую потертую маркерную доску и упаковку простых карандашей, которые оставляли на них тонкие, нервные линии. Но главное было не в этом. Главное было в играх и в том, что хранилось внутри – их общая память, вылившаяся в тактические схемы.

Каждый день, не занятый вылетами, Артём собирал здесь свою команду. Они разбирали полёты, боевые расчёты, построения парой, одиночные выходы на цель – всё, что составляло суровую, лишённую всякого романтизма реальность их войны. Два-три часа уходило на вопросы, споры, уточнения. Но основное, львиное время Артём уделял разбору операций. Он заставлял команду прогонять каждый манёвр снова и снова, искать собственные ошибки, видеть те моменты, где удача пришла не благодаря, а вопреки. Это был их единственный университет, их академия, выжженная в песках. И пропускными экзаменами здесь были жизнь и смерть.

– Давай еще раз, – сказал Артём, держа в руках две потрёпанные палочки от эскимо, связанные крестом. Короткая изображала крылья, длинная – фюзеляж. Получался убогий, но наглядный символ самолёта. – Я лечу прямо. Твоё место – за мной, в строю... Ну, че ты сидишь, Гром? Вставай рядом, ведомый!

Гром с усмешкой поднялся с ящика, взяв в руку свой собственный «истребитель» из таких же палочек, и стал держать его чуть сзади и справа от Артёма, изображая идеальную позицию ведомого.

– А вот «Альбатрос», который садится тебе на шесть, – Артём взял ещё один комплект палочек в другую руку и поднес его сзади к импровизированному самолёту Грома, почти уперев ему в спину. – Вот так. И какие должны быть мои действия? И как должен поступить ты?

Он обвёл всех взглядом, заставляя их мысленно проигрывать ситуацию.

– А как он так приблизился к нам? – в недоумении развел руками Гром, разглядывая «самолёты» с разных ракурсов.

– Волк, да это нереально. В этом случае ничего уже не сделать, это проигрыш! – мрачно констатировал Тень, поднявшись и скрестив руки на груди.

– Вот именно! – Артём кинул палочки на стол. Они подпрыгнули и замерли среди царпин и пятен на старой столешнице. – Бой – это не когда стреляют. Бой – это тогда, когда ты

увидел контакт в пяти-шести километрах. Вот тогда уже начался бой! А не то, что ты нам тут показывал, Гром!

Гром застыл на месте, всё ещё сжимая в руке свой импровизированный истребитель, а лицо его в удивлении вытянулось.

– Как навестись на противника и когда нажать на гашетку – это вопросы огневой подготовки, у тебя с этим всё нормально, – Артём прошёлся перед ним, впиваясь взглядом, – но это уже не бой, а финал. Окончание. А вот то, как ты сядешь на хвост "Альбатросу", как не дашь сесть на свою шесть – вот это уже тактика. Это и есть бой! Понимаешь?

– Что, правда, я хорошо стреляю?! – лицо Грома внезапно озарила восторженная улыбка, словно он выхватил из строгой отповеди единственное позитивное зерно.

– Тьфу ты! – Артём с деланным раздражением отвернулся от него и увидел, как Тень, судорожно сдерживает смех, прикрыв рот руками. Капитан резко развернулся снова к Грому, чувствуя, как предательская усмешка подбирается и к его собственным губам. Сдавленно выдохнув, он проговорил, собирая всю серьёзность: – Иди, давай, стрелок, сейчас заново летишь на пяти сотках. Впереди контакт. Тень, бери палочки, показывай ему «Альбатроса». Будем учиться видеть бой до первой очереди.

Иногда на этих импровизированных занятиях присутствовал Рустам. Ему нравилось, как Артём преподаёт материал – без академического занудства, но с железной внутренней логикой, словно собирает сложный механизм на глазах у учеников. Он за свою долгую жизнь повидал многих командиров и пилотов – и пламенных ораторов, и молчаливых прагматиков. Артём был из другого теста – его школа была выкована не в учебных аудиториях, а в кабинах, пахнущих бензином и страхом.

В эту ЧВК Рустам попал давно и, если можно так выразиться, по воле случая, которая в условиях вечной неразберихи на стыках бывших советских республик была самым надёжным работодателем. Его ашхабадский авиаремонтный завод, где он проработал главным инженером с десятков лет, медленно умирал, превращаясь в кладбище авиационных реликвий. А потом пришли «деловые партнёры» с деньгами, но без понимания, с чего начать. Через полгода завод окончательно встал. Рустам, человек, умевший оживлять даже то, что, казалось, навсегда отправилось на свалку истории, получил предложение, от которого нельзя было отказаться. Старый приятель, уже работавший в структурах, прикрывавших «Каспийский Щит», позвонил ему однажды вечером и сказал всего три слова: «Там самолёты летают». Не «там платят доллары» или «там перспективы», а именно – «летают». Для Рустама, видевшего, как его детища гниют под открытым небом, это было главным аргументом. Он собрал свой знаменитый чемоданчик с инструментами, попрощался с полупустыми цехами и уехал в пески, чтобы снова слышать рёв моторов, которые он знал, как свои пять пальцев.

И вот сейчас, найдя свободный час, он стоял в тени под камуфляжной сеткой, наблюдая за разбором полётов. Уголки его глаз прищурены, в руке – кружка с остывшим чаем. Он смотрел на Грома, на эту смесь бравады и неуёмной энергии, и улыбка трогала его потрескавшиеся губы. Рустам знал – нет, даже не знал, а чувствовал костями старого волка, – что на базу должны вот-вот прибыть новые пилоты, свежее пополнение из России. Но он был абсолютно уверен в одном: всем им, и зелёным и обстрелянным, найдётся место в этой стае, которую капитан Волков собирал не по приказу, а по зову крови. Эскадрилья Артёма была не просто подразделением. Она становилась летающим братством, и Рустам, глядя на улыбающегося Максима и сдержанного Алексея, понимал – это именно то, что не даст им разбиться в прах.

Через полчаса Артём, закончив свой разбор, глянул на потрёпанные армейские часы на запястье.

– Ладно, пилоты, на сегодня закругляемся, – он перевёл взгляд на Грома и добавил, – А тебе к техникам ещё зайти надо.

– Слушаюсь, к техникам! – Гром отдал честь с неподдельным энтузиазмом и побежал. Тень, молча и сдержанно, лишь коротко кивнул, по-уставному поднёс руку к виску и вышел из-под навеса, растворившись в слепящем мареве.

Рустам, до этого молча наблюдавший из угла, с лёгким стоном поднялся с ящика, расправляя затекшие мышцы.

– По чайку? – спросил он.

– А давай... – Артём провёл рукой по лицу, похлопал руками, смахивая усталость и мел с пальцев. – Только покрепче. После этих стратегов голова гудит.

--

В бункере генерала Айдына раздался сдержанный, но настойчивый стук в стальную дверь. Она приоткрылась, и в проёме возникла фигура солдата в камуфляже без каких-либо знаков отличия.

– Можно, господин генерал?

– Входи. Докладывай.

– Мы проверили журналистку. У неё действительно есть сын в Москве, девять лет, живёт с её матерью. Она в разводе. – Солдат говорил чётко, отчеканивая каждую фразу. – Установили ещё один факт. Она состояла в отношениях с пилотом ВКС, в ЧВК Каспийский щит он погиб при выполнении боевого задания. Подробности – засекречены. Так что мотив её возможен. Месть за смерть близкого человека.

Айдын, не отрывая взгляда от карты на столе, медленно покачал головой.

– И ты считаешь, ей можно верить?

– С осторожностью, господин генерал. Информация требует перепроверки. Нужно время.

– Хорошо. Иди, занимайся этим.

Дверь с глухим щелчком закрылась, оставив генерала в привычной тишине подземелья. Он откинулся на спинку кресла, уставившись на спутниковые снимки, разложенные перед ним. Пальцы сложились в пирамиду у подбородка. В голове складывалась новая мозаика, где журналистка с глазами полными боли и тайны могла стать как ключиком, так и билетом в пропасть.

Глава 6

Береги его. Он – как стекло. Хрупкий. И очень, очень ценный. – Сергей Волков (отец Артёма).

– Ну что, ещё по одной? – в потрёпанной руке Рустама дымился старый эмалированный чайник – единственный психолог на базе, которого никто не нанимал, но который всегда приходил вовремя.

– Не откажусь, – глухо пробормотал Артём, не отрывая взгляда от какой-то точки в пустоте. Глаза его, обычно жёсткие и сосредоточенные, сейчас были прозрачными и незащищёнными, словно отражали нахлынувшую внезапно тоску. Бывали дни, когда прошлое накатывало волной, сметая все барьеры.

Рустам, не спеша, налил в закопчённую кружку кипяток, присел рядом на ящик из-под патронов.

– Грому сегодня модуль ставят, – произнёс он, с шумом втягивая воздух вместе с обжигающей влагой. – Говорит, ты сам подписал его рапорт. Пойдёт опробовать.

– Главное, чтобы чудес от этой штуковины не ждал! – Артём с силой поставил кружку. – А то перестанет за собой следить, будет на алгоритмы надеяться.

Рустам снова сделал глоток, шурясь от пара.

– А ты давно летаешь-то? – спросил он, будто между делом.

Артём на мгновение задумался, и в его глазах мелькнула быстрая череда образов.

– Да сколько себя помню... Всё детство на аэродроме провёл. Сначала в диспетчерской торчал, потом к технарям прибился, потом за лётчиками по пятам ходил... Пока сам в кабину не сел... – Артём посмотрел в синее небо, шурясь от солнца.

Он помнил то ощущение, тот звук, наполнявший всё вокруг. Не гул и не рёв, а живую, вибрирующую песню поршневого мотора М-14П своего учебного Як-52. Тот мотор дышал на всех режимах, а на верхних оборотах в его ровном басу просыпалась бархатная хрипотца – совсем как у старого баритона, берущего высокую ноту. Этот голос стал для Артёма самой музыкой полёта, тем фундаментом, на котором строилось всё его понимание неба.

Як-52 – не боевой, не штурмовик, а спортивный двухместный. Красно-белый, с широкими крыльями – машина для пилотажа, для души, для тех, кто хотел почувствовать небо не как стихию, а как дом.

В кабине – двое. Сергей Волков – отец Артёма. Лётчик-инструктор с 30-летним стажем, бывший военный, а потом – тренер в аэроклубе. И Артём Волков – худой, жилистый, с горящими глазами и упрямой челюстью. Он сидел на переднем сиденье – пилот. Сегодня его экзамен. Не официальный. Отец не давал оценок или дипломов. Он давал доверие. А это – дороже.

– Ну что, капитан? – усмехнулся Сергей, глядя с заднего места на сына через зеркало заднего вида. – Готов показать, на что способен?

Артём не ответил. Просто кивнул. Руки – на рукоятках управления самолетом и газом, ноги – на педалях. Он чувствовал машину. Не думал – чувствовал. Как отец учил: если думаешь – опоздал, если чувствуешь – ты в небе.

– Тогда – поехали. Первый элемент – бочка. Чистая. Без крена на входе. Выход – в той же точке, где начал.

Артём вдохнул. Глубоко. Задержал воздух в лёгких – как будто собирался нырнуть. Потом – резко, но плавно – потянул штурвал немного на себя, затем рукоятку вправо, одновременно поправляя хвост ногами.

Самолёт – ответил. Мгновенно. Крыло встало на ребро и дальше. Небо и земля – поменялись местами. G-сила – вжала его в кресло, как ладонь бога. Он не сопротивлялся. Он отдавался, чувствуя каждую вибрацию элеронов, каждый хрип мотора, каждый поворот винта.

Ш-ш-ш-ш! – проносилось в голове – не звук, а ток крови. Один оборот. Два. Три.

Выход – чётко. Ровно. Там, где начал. Ни метра в сторону.

– ...хорошо, – пробормотал отец. – Очень хорошо. Теперь – петля Нестерова. Вход – с набора. Вершина – без потери скорости. Выход – на той же высоте.

Артём бросил машину вниз – на 300 метров, выжимая из мотора всё, что тот мог дать. Стрелка высотомера – вниз, вниз, вниз. Ветер – выл в щелях фонаря, как дикий зверь.

Сейчас. Именно сейчас.

Он рванул штурвал на себя – резко, уверенно, без сомнений. Самолёт – взвыл, как раненый орёл, и пошёл вверх, выписывая в небе идеальный круг. На вершине – мгновение невесомости. Сердце – в горле. Живот – где-то в пятках. И – тишина. Абсолютная. Только шум крови в ушах.

Потом – гравитация – вернулась. Жёстко. Беспощадно. Вжала его в кресло. Самолёт – выровнялся. На той же высоте. С той же скоростью.

– ...отлично, – голос отца сзади стал мягче, в нём появились нотки профессионального одобрения. – Теперь – бочка, а на выходе – давай плоский штопор. Покажи, как его выводить, когда земля уже вертится перед глазами, а паника стучит в висках.

Артём, семнадцатилетний, но уже с годами тренировок в руках, кивнул, сконцентрировавшись. Як гудел ровно, как огромный, послушный шмель. Сброс газа, ручку вправо. Он выполнил бочку – чистую, аккуратную, со сбросом скорости, остановив вращение чётко по горизонту. Мотор притих, оставив в ушах нарастающий свист ветра. Нос чуть вверх. Он плавно потянул штурвал на себя, задирая капот к безоблачному небу, чувствуя, как скорость падает, а машина на миг замирает в невесомости на гребне. Правая педаль до упора, штурвал резко влево, удерживая крен. Самолет, послушный и предсказуемый, словно приклеенный к невидимой пластине, начал вращаться вокруг почти вертикальной оси, срываясь в штопор.

Земля и небо за стеклом слились в сюрреалистичную карусель. Запах бензина и горячего масла ударил в нос. Вибрировало всё – штурвал, педали, само сиденье. Вестибулярный аппарат сходил с ума. Высота – уронил на 600 метров, пора на выход.

Он не дергал штурвал, не паниковал. Рули – нейтрально. Резким, отрывистым движением он вдавил левую педаль, ручку от себя – самолет отреагировал, направив свой нос вниз, на встречный поток. Вращение прекратилось, карусель остановилась. Плавно, но решительно он отцентровал ручку, заставляя машину пикировать, набирая спасительную скорость. Плавный набор оборотов. Левая рука подала газ, мотор с рычанием отозвался, вибрация сменилась мощной, ровной тягой. Парирование крена. Лёгкое, корректирующее движение элеронами. Горизонт лег ровно, мир снова обрёл привычные очертания.

В наушниках несколько секунд была тишина. Потом раздался лишь короткий, скупой выдох отца, в котором было больше, чем могла бы выразить любая похвала.

– Чувствуешь, как он дышит? – спросил отец, и его голос звучал уже не как у инструктора, а как у коллеги, передающего самое сокровенное знание. – Не железо это, сынок. Оно – живое. И оно будет дышать только с тем, кто слышит его сердце. Запомни этот момент. Запомни, как оно слушается рук. Машины будущего будут умнее, быстрее. Но эту музыку... музыку металла и ветра они не услышат никогда. Ты... летаешь, сынок, не как ученик – как пилот.

Артём не ответил. Просто кивнул. В горле – стоял ком. Не от страха. От... счастья.

Приземлились. Отец отстегнул ремни. Достал из кармана фляжку – старую, потёртую, с гравировкой: «За небо...». Отпил глоток.

– Ты напоминаешь мне одного парня, – сказал отец, глядя вдаль, на закат. – Кирилл Морозова. Помнишь? Приезжал к нам прошлым летом.

Артём кивнул. Помнил. Высокий, худой, с улыбкой до ушей и синими ясными глазами.

– Он летает, как ты. С чувством. С огоньком. Не думает – чувствует. У него – талант. Настоящий. Такой, что не купишь и не научишь. Он как ты. Только – без твоего упрямства.

Отец посмотрел на сына.

– Вы бы с ним подружились. Он из того же мяса как ты. Только мягче. Он верит в машины. Говорит: «Они – наши крылья. Надо просто научиться с ними разговаривать». У тебя другой девиз: «Если не можешь починить – не заслуживаешь летать». Вы оба – правы. Каждый по-своему.

Он положил руку на плечо сына.

– Я горжусь тобой, Артём. Ты – настоящий пилот. И Кирилл... И если вы когда-нибудь окажетесь в одной паре... береги его. Он – как стекло. Красивый. Хрупкий. И очень, очень ценный.

Артём молчал. Смотрел на закат. На небо. На самолёт, который стал частью его тела. Он не знал тогда, что отец был прав. Что Кирилл станет его другом. Что он станет его болью.

– Вот и выходит, что и с Кириллом меня отец познакомил, – Артём медленно поднялся, отряхивая песок с комбинезона. – Давно это было... Очень давно. – Его взгляд упёрся в дальний край аэродрома, где техники суетились вокруг Молнии Грома.

Рустам слушал, развалившись в прохладной тени под крылом Старика. Голова его покоилась на ладони руки, упертой локтём в песок, а глаза прищуривались от редких лучей солнца, пробивавшихся сквозь перфорацию металла. Чай в жестяной кружке уже не обжигал, но он всё так же с наслаждением втягивал его с характерным свистом.

– Кирилл хорошо летал! – Рустам с силой поставил кружку на ящик, и жесть глухо звякнула. – Вы с ним были как две половинки одного винта. Но у каждого своя дорога. Кирилл прошёл свою до конца. А у тебя свой путь, Артём.

– И какой у меня путь!? – в голосе Артёма прозвучала едва уловимая, горькая нотка.

– Артём... – Рустам медленно обвёл рукой всё пространство вокруг – от прыгающего вокруг Молнии Грома до уходящих за горизонт силуэтов гор. – Твой путь – быть тем, кто держит небо над этой землёй. Кто не даёт ему рухнуть на головы наших людей.

Он поднялся, отряхивая ладони от песка, и в его обычно спокойном голосе зазвучали непривычные торжественные ноты:

– Русские не бросили нас, когда могли бы думать только о себе. Они прислали сюда не просто помощь – они прислали веру. Веру в то, что мы устоим. И твой путь, Артём, – быть тем, кто эту веру оправдывает. Держать небо. И передать это дальше, молодым. Чтобы знали: за нами – правда, а за ними – будущее.

Арте́м держал взгляд Рустама, и у того в тёмных глазах вспыхнул тот самый огонь, который не могли погасить ни зной, ни вражеские ракеты.

– Вот твой путь. Нести это знамя. Пока руки держат штурвал, а сердце помнит, за что мы здесь воюем.

В этот момент где-то вдаль взревел двигатель Молнии – сначала сдавленно, потом набирая силу и высоту, пока его рёв не заполнил собой всё пространство аэродрома, заглушая на мгновение даже ветер.

Рустам тяжело ступил вперёд, сжал предплечье Артёма в крепкой, как тиски, ладони, молча кивнул и побрёл к суетящимся техникам, к ревущей Молнии, оставив Артёма наедине с гудящим в ушах эхом слов и воем взлетающего пилота.

Когда Артём вошёл в диспетчерскую, ему не потребовалось смотреть на экраны – всё и так было ясно. За стеклом, в раскалённом мареве над аэродромом, Молния Грома выписывала фигуры высшего пилотажа с неестественной, почти маниакальной точностью.

Самолёт резко бросало в штопор, из которого он выходил в считанных метрах от земли, чтобы тут же уйти в крутой вираж и пронестись над самой кромкой ВПП. Затем – резкий набор высоты, поворот, и снова падение камнем вниз. По периметру аэродрома вспыхивали и гасли мишени – Гром отстреливал их короткими очередями, не прекращая своего безумного танца.

– Он что, с ума сошёл? – пробормотал один из операторов, не отрывая взгляда от радара.

– Нет, – беззвучно ответил Артём, наблюдая, как Молния закладывает немислимую бочку с одновременным пуском тепловых ловушек. – Он... демонстрирует модулю свои возможности.

Он видел не просто лихачество. Каждый манёвр был идеально выверен, каждая фигура – сложнее предыдущей. Гром не просто летал – он водил самолёт по грани возможного, показывая всю палитру своего мастерства. И где-то там, в чёрном модуле за его спиной, бездушный алгоритм жадно впитывал каждый поворот, каждую перегрузку, каждый выстрел, составляя цифровой портрет пилота – его стиль, его пределы, его уникальную манеру управления машиной.

Это был не полёт, а презентация. Отчёт перед новым штурманом о возможностях своего тела и реакций. И судя по тому, с каким остервенением Гром бросал самолёт из крайности в крайность, он намерен был показать всё, на что был способен.

Гром, всё ещё заряженный адреналином после полёта, нашел Артёма у Старика. Он ворвался к ним с такой энергией, что казалось – за ним остался вихревой след, будто он и на земле продолжал свой стремительный полет. Воздух вокруг него словно вибрировал от пережитого напряжения и восторга.

– Видел, Волк? – Гром сиял, сдирая с себя потный шлем. Его лицо было мокрым, а глаза горели. – Видел, что мы с Грозой вытворяли? Так я ее назвал! Она такая... Она всё видит! Все углы, все скорости! Я ей – а она мне! Мы как танцевали!

Артём, не отрываясь от осмотра стыка обшивки на крыле, кивнул.

– Видел. Лихачи.

– Да я контролировал! С Грозой всё под контролем! Она мне расчёт выдала – я выполнил. Точь-в-точь!

Артём, наконец, отвлекся от самолёта. Его спокойный, взвешенный взгляд охладил пыл Грома.

– Садись, Максим.

Тон не предполагал возражений. Гром, немного скиснув, плюхнулся на ящик.

– Ты сегодня не летал, – начал Артём, вытирая руки ветошью. – Ты проходил тестирование. Показывал своей Грозе, на что способен. И она записала твои пределы. Теперь она знает, что ты можешь зайти вираж в пять секунд с перегрузкой в 5g. Что ты можешь выйти из штопора на ста метрах от земли. Что ты попадаешь в мишень с полного разворота. Это её данные. А знаешь, что будет завтра в настоящем бою?

Гром молчал.

– Будет враг, который не станет действовать по твоим правилам. Он не будет ждать, пока ты завершишь свой красивый манёвр. Он вылезет из-за твоей спины там, где его не ждёт ни ты, ни твоя Гроза. И все её точные расчёты окажутся красивой теорией, не имеющей отношения к реальности.

Артём подошёл к закопчённому сейфу у стены, покрутил кодовый замок и достал оттуда толстую, потрёпанную папку в просмолённом кожзаме. Это не была уставная документация. Это была его летопись.

– Думаешь, Сайра меня ведёт? – Артём раскрыл папку на столе, заваленном запчастями.

Гром заглянул внутрь и замер. Страницы были испещрены от руки нарисованными схемами, стрелками, пометками. Это были не идеальные компьютерные модели, а живые, дышащие тактические зарисовки. Эскизы засад, варианты обходных манёвров, анализ местности, замечания о поведении противника – командир нервный, любит бросать силы в лоб, зенитки на южном склоне маскируются под камни, после первой атаки отходят к ущелью, будь готов.

– Смотри, – Артём ткнул пальцем в одну из схем, – Это наша атака на колонну под Балканабадом. Та, где мы с тобой и с Тенью работали. Видишь этот крюк? Сайра предлагала идти напрямую. А я заложил этот крюк, потому что так я видел эту атаку.

Он перевернул страницу. Ещё схема. И ещё.

– Вот здесь... Молот и Наковальня. Я её не из учебников взял. Я её придумал еще год назад, когда с Кириллом летали. Один отвлекает, второй бьёт. Сайра лишь просчитала траекторию. А родилась она тут, – Артём постукал себя по виску.

Гром молча листал пожелтевшие страницы. Артём видел, как на его глазах рассыпался миф о всемогущем искусственном интеллекте. А Гром листал тетрадь дальше, читал пометки на полях – «не сработает, если ветер боковой», «здесь можно рискнуть», «Кирилл говорил...». Он видел живую, творящую мысль, которая опережала любые алгоритмы. Это был не архив, это был мозг капитана, вывернутый наизнанку.

– Она... не придумывает? – тихо проговорил Гром, начиная понимать. Он закрыл тетрадь, вложил в папку. – Она... всего лишь предлагает выбор.

– Именно, – Артём взял у него папку. – Она – не командир. Она – мой штурман. Очень быстрый, очень точный. Но штурман. Решение о том, куда лететь, всегда остаётся за мной. Потому что я вижу картину. А она – только цифры. Я чувствую бой. А она – только вычисляет его вероятность.

Он посмотрел на Грома, и в его взгляде не было упрёка. Была суровая необходимость донести истину.

– Ты сегодня показал Грозе, на что ты способен. Это хорошо. Теперь твоя очередь – научиться слушать не только её, но и себя. Понять, когда её расчёт – это помощь, а когда – ловушка. Потому что в тот день, когда ты перестанешь думать своей головой и слепо доверишься железу, ты станешь мёртвым пилотом в кабине. И твоя Гроза запишет твою гибель в свой журнал как ещё одну статистическую погрешность.

Гром сидел, глядя на потёртый переплёт папки в руках Артёма. Впервые он ясно осознал пропасть между бездушной эффективностью машины и гениальной, хаотичной, непредсказуемой человеческой мыслью, рождающей победы там, где по всем расчётам должно быть поражение.

– Понял, – тихо сказал он. – Спасибо, Волк.

– Ладно, – Артём хлопнул его по плечу. – Иди, отдыхай. Береги свою Грозу. Но помни – она твой инструмент. А не ты – её.

--

Елена неспешно прогуливалась, вдыхая прохладу наступающих сумерек. Воздух, еще недавно раскаленный, теперь был свеж и пах пылью и далекими дымами. В этой вечерней тишине резкий звук тормозов был полной неожиданностью. К обочине, вздымая дорожную пыль, бесшумно приник длинный черный автомобиль. Слово тень, отбрасываемая заходящим солнцем.

Стекло переднего пассажирского окна беззвучно опустилось, обнажив безразличное лицо знакомого адъютанта.

– Мисс, господин генерал просит вас о встрече.

Она инстинктивно оглянулась. Улица была пустынна и безмолвна, как вымершая. До дома – целый километр безлюдной дороги. Холодок осознания пробежал по спине: она выбежала в магазин на пять минут, в легкой кофте и домашних штанах, увлеклась редкой для этих мест прохладой и... оказалась в ловушке. Ни планшета, ни аварийного маячка – ничего, что связывало бы ее с командованием.

– Я... я даже не одета по случаю, – пробормотала она, больше для себя, пытаюсь выиграть секунды.

– Вы отлично выглядите, – парировал адъютант, его голос был ровным и не оставляющим пространства для возражений. – Прошу, садитесь. Господин генерал не любит, когда его заставляют ждать. После встречи я отвезу Вас, куда скажите.

Фраза прозвучала безальтернативно. Елена взялась за холодную ручку двери. Салон встретил ее прохладой кондиционера и запахом кожи. Дверь захлопнулась с глухим, окончательным щелчком. Машина тронулась так же резво, как и остановилась, с коротким визгом шин по остывающему асфальту, оставив позади призрачный мир обычного вечера.

Предположений не было. Последний инструктаж с командованием прошёл спокойно – без намёка на бурю. Никто не ждал, что враг сорвётся с цепи так быстро.

Сын был в безопасности: под надёжной опекой двух сменяющих друг друга людей спецназа. Наживку она разложила аккуратно – как шахматист ставит пешку, зная, что именно за ней последует мат.

По мнению начальства, у противника имелись все документы для проверки, все факты. Была и сама приманка – Елена Петрова, журналистка, чьи записи давно превратились в оружие. Два-три дня – вот, сколько требовалось на проверку. Но таких быстрых действий она не ожидала. Не в этом ритме играли раньше. А значит – что-то изменилось. И, возможно, уже слишком поздно всё остановить.

Автомобиль замер у обочины – без резкости, без лишнего шума. Едва колёса коснулись гравия, как дверь уже открылась.

Перед ней стоял человек в строгом сером костюме, чьи движения выдавали военную выправку, несмотря на гражданский наряд. Его глаза – нейтральные, но внимательные – скользнули по её лицу, и он вежливо, почти церемонно, протянул руку.

– Добрый вечер, мисс. Генерал ждёт.

Елена вышла, не сказав ни слова. Пыль с дороги осела на её ботинки, но она, не оглядываясь, шла вперед. Её шаги – уверенные, но не спешащие – повели её к неприметному зданию с потрескавшейся штукатуркой и запылёнными окнами. Все повторилось как в прошлый раз, лифт, подвал, переход, ещё один лифт и снова подвал – только все казалось что глубже, тише и безысходнее.

И вот – та самая дверь. Тяжёлая, обитая сталью, с едва заметным глазком и электронным замком, мерцающим красным индикатором. Рядом – солдат, молчаливый, как стена. Он коротко постучал, дождался приглушённого «Входите» и открыл дверь.

– Господин генерал, мисс Петрова прибыла.

Он обернулся к ней, распахнул дверь чуть шире и, отступив в сторону, жестом пригласил войти.

Внутри её уже ждала та же комната. Та же карта на стене. И тот же взгляд – холодный, как сталь.

– Здравствуйте, господин генерал, – произнесла она, переступая порог с такой лёгкостью, будто входила не в подземный бункер, а в кулуары дипломатического приёма. Её каблуки чётко отстучали по бетону. – Обычно женщинам дают время подготовиться к свиданию. Не так ли?

Она не просто вошла. Она включилась. В ту самую секунду, как за спиной захлопнулась дверь, в её теле щёлкнули невидимые переключатели. Плечи выпрямились, взгляд стал ледяным, а дыхание – ровным. Боль, страх, сомнения – всё ушло глубоко под кожу. Теперь перед генералом стояла та самая журналистка. Перед ним был человек, для которого в этой войне есть одна цель: прекратить эту мясорубку. Пусть ценой поражения её страны. Пусть ценой собственной души.

Пусть думают, что она просто против войны.

– Елена, это не свидание. Это работа. И с этого момента – вы работаете на меня.

Генерал Айдын не повысил голоса. Он говорил тихо, почти ласково, но каждое слово ложилось на ухо, как лезвие, подведённое к горлу. Он обошёл стол, не спеша, и остановился в шаге от неё. Закурил. Его взгляд – острый, без жалости – выискивал в её глазах малейшую дрожь.

– Давайте без прелюдий. Мы проанализировали всё, что вы нам дали. Записи, координаты, поведение пилотов в эфире... И да. Наши аналитики пришли к выводу: на этих самолётах стоит не просто навигационная система. Это нечто большее.

Он сделал паузу. Пустил в воздух струю дыма.

– Мне нужно понять, на что она способна. Это – раз. Мне нужны сведения: где базируются серверы, где готовят пилотов, по каким маршрутам они летают. Это – два.

Елена подняла глаза к потолку. Не от страха – от расчёта.

– Я не уверена, что смогу быстро раздобыть такую информацию, – произнесла она, подбирая слова с той осторожностью, с какой ступают по минному полю. – Тем более... мне нужно выезжать в Москву. А мой контракт...

– Ваш контракт больше не имеет значения, – перебил Айдын и впервые улыбнулся. Без тёплых ноток. Без иронии. – Ваш работодатель поговорит с вами завтра. Вы сможете работать тогда и оттуда, откуда пожелаете. А расходы на поездки... Не тратьте на это ни мысли.

Он развернулся к своему креслу, тяжело опустился в него.

– Мы оплатим вам дорогу в Москву. И обратно. И ещё сто таких дорог, если понадобится. Вы – наша лазейка в их систему. Наш шёпот в их собственном эфире.

Он выпустил в воздух идеальное дымное колечко. Оно повисло между ними, дрожа от скрытого напряжения, и медленно начало распадаться.

– Елена, – спросил он, не отводя взгляда, – Вы справитесь?

В её глазах ничего не дрогнуло. Только внутри, в глубине, где никто не мог заглянуть, зажглась искра ледяной решимости.

– Я постараюсь, – сказала она.

И в этом «постараюсь» прозвучало всё: и ложь, и правда, и клятва, данная давно, в пустыне, под безмолвным небом.

– Господин генерал, мне понадобятся четыре дня, – Елена говорила тихо, но чётко, словно выбирала каждое слово из яда. – И я не уверена, что смогу полностью завладеть всей информацией. Я ведь не часть командования. Я просто... разговариваю с человеком, чьи цели, как ни странно, совпадают с моими.

Айдын медленно поднялся. Его глаза, холодные, не отрывались от неё. Он сделал шаг вперёд, как хищник, который уже зажал добычу в кольцо.

– Значит, пришло время объединить усилия, – произнёс он, в его голосе впервые прозвучала почти искренняя надежда. – Теперь и этот человек работает на меня. Мы положим конец этой войне. Вместе.

Он подошёл к столу, приподнял крышку сейфа и вынул плотный конверт с восковой печатью.

– Завтра вы вылетаете. Инструкции – на выходе. Вас отвезут, куда скажете. И помните: не я выбираю вас. Вы сами выбрали сторону.

Елена на секунду замерла.

– Господин генерал, – сказала она, и в её голосе звенела та самая преданность, что не купишь за деньги и не сымитируешь в докладах. – Я сделаю всё, что в моих силах.

Она развернулась и вышла – не спеша, не оглядываясь.

За дверью её ждал тот же солдат. За спиной – генерал, чьи мысли уже строили новые линии фронта.

Через два часа начальник службы разведки и контрразведки майор Андрей Ветров инструктировал Лису о деталях ее командировки, куда необходимо явиться, какими путями она это будет делать.

– Наши люди будут присматривать за тобой, и за твоим хвостом. Связь как всегда...

А рано утром она была уже в Москве, и исполняла поставленные командованием задачи.

Глава 7

Я пришла к выводу, что сегодня нас двоих будет слишком много для тебя, Артём. Я берегу твои нервы. – Сайра.

Утреннее солнце принялось жарить по-настоящему, будто вчерашнего зноя ему показалось мало. Песок под сапогами уже хрустел, словно старый паркет в заброшенной усадьбе. Воздух колебался от марева, и даже выносливые ящерицы, обычно греющиеся на камнях, сегодня попрятались в скудные тени саксаулов.

Артемом вошел в командный пункт, в воздухе уже висела та особая концентрация. Все были на своих местах, словно детали одного механизма, и последней шестерёнкой, вставшей на место, был он сам. Борисов, отбросив вчерашнюю усталость, встал перед большой тактической схемой, и его палец, жесткий и уверенный, уперся в точку у горного перевала.

– Задача – уничтожить ремонтные базы. Первую – здесь, в ущелье Дарьялык. Вторую – здесь. – Палец сместился, оставляя на целлулоиде невидимую отметину ярости. – Там восстанавливают подбитые Альбатросы. И не только. Два ангара, мастерская, склад запчастей. Охрана – ЗУ-23. Вероятность наличия прикрытия с воздуха – высокая. Будьте готовы к тёпловому приёму.

Артём, скрестив руки, скользнул взглядом по карте, и в его сознании сам собой начал складываться тактический пазл, обретая зловещую логику. Сначала они выкосили пехотное подкрепление под Балканабадом – перемололи свежее, необстрелянное мясо, которое должно было стать тараном. Потом выжгли топливный терминал – перерезали горло, оставив их технику жаждать у колодца, который стал могилой. Теперь – ремонтный цех.

Но пазл не сходился до конца. Его взгляд, привыкший выискивать аномалии, уперся в район предполагаемых ударов – глухой горный массив, куда противник вцепился с упорством, не поддающимся простому тактическому объяснению.

Так что же он там вынюхивает? – мысленно провел он линию от ремонтных баз к призрачным контурам вражеских планов. Он не идёт напрямую к газовым месторождениям на востоке, хотя это его главная, крикливая цель. Вместо этого он вгрызается в эти скалы, словно ищет лазейку. Или готовит плацдарм для чего-то, о чём мы пока не знаем, ... для удара, который будет куда опаснее и больнее.

– Их ПВО усилили после нашего последнего визита, – Борисов перевёл взгляд на пилотов, и его глаза, холодные и уставшие, на секунду задержались на Артёме, будто проверяя, понимает ли он всю глубину этого простого сообщения. – Ожидайте заградительного огня на подлёте и активности Серых Призраков. Работать быстро и на выход. Приоритет – мастерские и склад. Ангары – по остаточному принципу.

Значит, для командования это не просто атака, а упреждающий удар, – мысленно продолжил Артём. Что-то серьёзное назревает в этом районе. Противник сосредоточил здесь куда больше сил, чем мы предполагали. Или... Или он всё это и планировал – чтобы мы именно так и предполагали.

– Вопросы? – Борисов обвёл взглядом зал, и этот взгляд сам по себе был ответом на все возможные почему и зачем.

Вопросы? – внутренне усмехнулся Артём. Да тут одни вопросы! Мишени расставлены, наблюдатели выставлены – ловушка готова. Ловушка для кого? Кому нужна вся эта демонстрация? На такие вопросы ответов не было. Их не было и у полковника – он отдавал приказ, как всегда, в соответствии с основными задачами, поставленными сверху, и на основании той мозаики, что складывалась из обрывков радиоперехватов, спутниковых снимков и донесений агентов, где правда всегда была вперемешку с дезинформацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.